

СЕРГЕЙ МОСКВИН

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ПРЕДЕЛЬНАЯ ГЛУБИНА

Сергей Львович Москвин

Предельная глубина

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=316632

Предельная глубина: Эксмо; м.; 2009
ISBN 978-5-699-37262-1

Аннотация

Офицер подводного спецназа Игорь Мамаев, назначенный инструктором по боевой подготовке водолазов-разведчиков, приезжает на секретный полигон в забайкальской тайге на озере Мертвом. Там он знакомится с аспиранткой Ленинградского университета Зоей Серебrenиковой, с которой у него завязывается роман. Но счастье влюбленных оказывается недолгим. По военному городку и ближайшим таежным поселкам прокатывается волна жестоких убийств. По необъяснимым причинам обычные люди превращаются в безжалостных кровожадных монстров, словно сама смерть, вырвавшаяся из темных глубин Мертвого озера, собирает по берегам свою кровавую жатву. Удастся ли Мамаеву и его возлюбленной выжить в захлестнувшей Забайкалье волне насилия и обуздать неведомую силу, к которой приковано пристальное внимание спецотдела военной контрразведки, работающего со сверхъестественными явлениями?

Содержание

От автора	4
Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	94
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Сергей Москвин

Предельная глубина

От автора

В основе романа «Предельная глубина» лежит трагический случай, произошедший с советскими боевыми пловцами на озере Байкал в 1982 году. В сети Интернет можно найти немало упоминаний об этом событии, а центральные телеканалы «Первый» и REN TV подробно описали его в своих документальных фильмах об НЛО и контактах с внеземными существами. Я сознательно не пересказываю его сейчас, чтобы не раскрывать интригу сюжета, однако читатель, знакомый с вышеупомянутым событием, сразу поймет, о чем идет речь.

За четверть века, минувшую с того времени, трагедия на Байкале обросла множеством легенд и уже сама превратилась в легенду. Мне не удалось найти ни одного участника или очевидца данных событий, поэтому я не берусь утверждать, что описанный случай имел место в реальности. Ответ наверняка содержится в военных архивах. Но документы, касающиеся формирования, подготовки и операций советского подводного спецназа, в большинстве своем содержат государственную тайну и еще не скоро будут раскре-

чены.

Как бы там ни было, данный роман – это не попытка докопаться до истины (предоставим это право историкам), а возможность задуматься о том, чем могла обернуться для человечества та роковая встреча с неведомым.

Пользуясь возможностью, я приглашаю очевидцев и участников описанных событий, людей, располагающих какой-либо информацией, а также всех интересующихся изучением аномальных явлений на сайт романа «Предельная глубина»: www/moskvins.ru.

Сергей Москвин

Пролог

Среди покрытых густым лесом диких таежных сопок внезапно открылась плоская, вытянутая линза поверхности озера. Все находящиеся на борту вертолета офицеры штаба Сибирского военного округа одновременно прильнули к иллюминаторам.

– Это оно? – с удивившим его самого волнением спросил заместитель начальника штаба у своего помощника.

– Оно самое, товарищ полковник! – немедленно отозвался тот. – На десятки километров вокруг ни одного живого человека! Даже буряты и эвенки обходят этот район стороной! Самое подходящее место для секретной базы! Лучшего и искать не надо!

Из-за шума работающих двигателей помощнику приходилось кричать. Протиснувшись за спинами офицеров, он заглянул в пилотскую кабину.

– Давайте на примерочный круг!

Управляющий машиной седой пилот с косым шрамом на щеке – следом душманской пули, угодившей в лобовое стекло фонаря его «Ми-восьмого» полгода назад в Афганистане, нехотя наклонил ручку управления.¹ За время афганской командировки он привык доверять своим ощущениям. До пре-

¹ Основной орган управления вертолетом, служащий для изменения направления движения: вперед, назад или вбок. Аналог штурвала в кабине самолета.

дела обострившаяся на войне интуиция не раз спасала жизнь и ему, и экипажу, и находившимся на борту десантникам. Сейчас она не просто кричала – она вопила во весь голос! Открывшаяся внизу картина не нравилась ему. Не нравилась настолько, что пилот с трудом поборол желание развернуть машину и, наплевав на полученный приказ и предполетную инструкцию, лететь обратно на аэродром. В другое время и в другой стране он, возможно, так бы и поступил. Но плюющиеся свинцом кручи афганских гор остались за тысячи километров от забайкальской тайги, просторы родной страны дышали миром и спокойствием, а показания приборов не предвещали беды. К тому же ни расположившийся в соседнем кресле молодой штурман, ни штабные офицеры, похоже, не разделяли его опасений. И все-таки руки пилота ощутимо дрожали, когда он входил в пологий вираж. Но никто, кроме него самого, не заметил этой дрожи.

В пассажирском отсеке заместитель начальника штаба округа и сопровождающие его офицеры продолжали разглядывать медленно поворачивающееся под ними озеро. День выдался пасмурный, и, очевидно, из-за этого водная гладь внизу казалась не серебристой или бледно-зеленоватой, как на подавляющем большинстве таежных озер, а стальной.

– Что это там, в центре? – недоуменно спросил кто-то из офицеров.

Замначальника штаба встрепенулся, и предупредительный помощник тут же вложил ему в руку бинокль. Полков-

ник приник к окулярам.

Действительно, ближе к центру озера на воде виднелось темное, практически идеально круглое пятно, чем-то похожее на пленку разлившейся нефти, только не на поверхности, а в глубине.

– Похоже на впадину, – предположил все тот же голос.

Замначальника штаба нахмурился. По его мнению, вытянутое в длину озеро с темным пятном посередине больше всего походило на гигантский, хищно прищуренный глаз с нацеленным в небо черным зрачком. Ему даже показалось, что он видит там отражение пролетающего над водой вертолета. Внезапно в глубине «зрачка» промелькнула молния, и по поверхности пятна разлился призрачный свет. Темная вода заискрилась тысячами огней. Даже сквозь стекло иллюминатора и обшивку фюзеляжа полковник ощутил исходящее от них тепло. Его тело воспарило над жестким вертолетным сиденьем, руки опустились сами собой. Огни на поверхности озера стали ярче и ближе. Теперь уже не нужен был бинокль, чтобы рассмотреть их.

В пилотской кабине командир экипажа из последних сил пытался вытянуть из штопора потерявшую управление машину. Но руки словно стали ватными и уже не могли сдвинуть с мертвой точки заклинившие рычаги управления. В соседнем кресле блаженно улыбался штурман. Он даже не попытался прийти на помощь пилоту, борющемуся с неуправляемой машиной.

По кривой дуге вертолет спикировал вниз, ударился о воду и загорелся. Подскочил, как подскакивает пущенный с большой силой плоский камень, и, объятый пламенем, окончательно рухнул в озеро, не дотянув десяти метров до берега.

Глава 1

Перспективное назначение

1

Горячий воздух застыл над растрескавшейся от солнечно-го жара землей и ровной, как зеркало, водной гладью. Только подойдя к самой береговой кромке, где редкие волны лениво лижут перемешанный с белыми кристаллами поваренной соли прибрежный песок, можно понять, что отливающая на солнце неподвижная масса — это вода, тысячи тон соленой воды, заполнившие природную котловину, причудливым зигзагом пересекающую степи и плоскогорья восточного Казахстана.

Со стороны сколоченной из грубооструганных досок и выкрашенной в зеленый защитный цвет смотровой трибуны, украшенной кумачом с броским, накануне прописанным лозунгом «Народ и армия едины», движение воды у береговой линии совершенно неразлично. Поэтому пять человек в армейской полевой форме и в званиях от майора до полковника, тесно обступившие стоящего в центре трибуны насупленного и тяжело дышащего генерала, могли лишь догадываться о напряженной драме, разворачивающейся в нескольких

метрах ниже поверхности озера. В отличие от старших офицеров и обливающегося потом генерала, думавшего лишь о том, какого черта он поперся на этот полигон, вместо того чтобы остаться в штабе, как предлагал командир части, два одинаково крепких и жилистых старших лейтенанта с почерневшими от загара лицами и выгоревшими на солнце короткими волосами имели гораздо больше представления о том, что должно происходить в глубине. Именно они, которым не нашлось места на трибуне, в течение одиннадцати последних недель готовили группу водолазов-разведчиков, державших сейчас экзамен перед командованием части и высоким проверяющим из Москвы за право продолжить службу в отдельной бригаде морской пехоты специального назначения, за право называться «морскими дьяволами» – боевыми пловцами. Это под их руководством курсанты постигали навыки обращения с водолазным снаряжением, холодным и огнестрельным оружием, с ними осваивали тактику боевых операций малых групп в воде и на берегу. Но сейчас опытного и знающего наставника нет рядом, и уже сами курсанты должны продемонстрировать, чему они научились за время курса боевой подготовки. С того момента, как их в полном боевом снаряжении выбросили с вертолета в десяти милях от берега, курсанты предоставлены сами себе.

Один из инструкторов – остролицый старлей с длинным хрящеватым носом, выделяющимся на его плоском лице, с тревогой взглянул на свои наручные часы. Хотя он выпу-

стил уже не один десяток разведгрупп, сейчас он волновался больше обычного. Сегодня особенный день. Сегодня за ходом учений наблюдает не кто-нибудь, а сам генерал Каргополов, начальник главка спецназов. Но главная причина волнения была даже не в этом, а в том, что курсанты из группы его напарника старлея Мамаева стабильно показывают более высокие результаты. Ладно бы только в каком-нибудь одном виде учебной программы: в стрельбе или подводном ориентировании. Так ведь нет! Практически по всем дисциплинам у них показатели лучше, за исключением разве что политподготовки. И что только такого Мамай с ними творит? Начальство все это видит и, разумеется, свои выводы делает. Глядишь, Мамай и капитана раньше получит, хотя у него выслуги на год меньше. А если вдруг место начбоя² освободится, кто первый кандидат? Опять же Мамай! Правда, если бойцы Мамаев облажаются перед Каргополовым, не видать тому ни внеочередного звания, ни завидной должности. А сегодняшняя задача может оказаться непосильной даже для его выводка. Проплыть в гидрокостюмах и полном боевом снаряжении от точки выброски до берега восемнадцать с половиной километров. И не просто проплыть, а, ориентируясь только по компасу, отыскать в изломанной береговой линии залив с выстроенным на берегу учебным полигоном. Преодолеть под водой три линии боновых заграждений и противодиверсионных сетей с установленными на них шокowymi

² Начбой – замкомандира части по боевой подготовке (*арм. сленг*).

и сигнальными минами. После чего атакой из-под воды уничтожить укрепленный пункт условного противника.

Остролицый старлей исподлобья посмотрел на второго инструктора, такого же подтянутого и мускулистого, только с более темными волосами, такими же темными бровями и выразительными карими глазами. Тот сделал вид, что не заметил недружелюбный взгляд сослуживца, и отвернулся к воде. В этот момент вода у берега буквально вскипела, и оттуда на прибрежный песок выбросились две мокрые фигуры в облегающих гидрокостюмах с дыхательными аппаратами за плечами и специальными автоматами в руках. Водолазы залегли, открыв шквальный огонь по установленным на берегу ростовым фанерным мишеням, от которых во все стороны полетели щепки. Следом за первой парой разведчиков из воды выбрались еще четверо водолазов в таком же снаряжении, и уже все шестеро, поочередно прикрывая друг друга огнем, бросились к возведенным на берегу железобетонным коробкам, обозначающим укрепленный пункт противника.

На смотровой трибуне возникло оживление.

– Чья эта группа? – отрывисто спросил Каргополов, наблюдая за разворачивающимся на полигоне действием.

Адъютант Каргополова подполковник Москалин придвинулся ближе, ловя каждое слово своего начальника. Но на этот вопрос он ответить не мог.

– Старшего лейтенанта Мамаева, – с готовностью отпартовал командир части полковник Шукин, разглядев в би-

нокль приклеенные пластырем алые полоски на рукавах гидрокombineзонов появившихся на берегу водолазов.

Тем временем бегущие по песку водолазы достигли первого бункера. Здесь они вновь разделились. Одна пара осталась у бетонной стены, прилаживая к ней заряд взрывчатки, вторая, не задерживаясь, бросилась к соседнему сооружению. Перебегая от одного укрытия к другому и прикрывая друг друга, водолазы заминировали четыре условных бункера и вернулись к воде. Все четыре установленных ими заряда рванули практически одновременно, подтвердив слаженность действий всех бойцов диверсионной группы. Как только отгремело эхо взрывов и учебные цели окутались облаками взметнувшейся пыли, Щукин повернулся к Каргополову, лихо вскинул руку к виску, для чего его заместителям пришлось потесниться, чтобы освободить командиру место для этого строевого приема, и отрапортовал:

– Товарищ генерал-лейтенант! Учебно-боевая задача выполнена! Береговой укрепленный пункт условного противника уничтожен!

Хотя поставленную задачу пока выполнила только одна группа из двух, по лицу Щукина было видно, что он доволен результатами учений. Можно наконец вернуться в штаб, выбравшись с солнцепека в прохладу кондиционеров. Генерал Каргополов ничего не имел против этого, поэтому не стал цепляться к словам командира части. Как действуют подготовленные на базе подводные диверсанты, он уже увидел, а

следить за работой каждой группы водолазов – дело инструкторов, а не начальника главка. К тому же остался еще целый ряд служебных вопросов, которые следует обсудить с командиром части.

Каргополов приложил руку к широкополой панаме, презентованной ему Щукиным вместе с комплектом тропического камуфляжа сразу после прибытия в часть.

– Поздравляю вас с успешным выполнением боевой задачи!

Все присутствующие на трибуне офицеры во главе с командиром части радостно заулыбались. Даже оперуполномоченный отдела военной контрразведки расплылся в довольной улыбке, хотя похвала начальника главка Главного разведывательного управления Минобороны вроде бы не имела к нему отношения. И только остролицый лейтенант продолжал хмуро смотреть на бредущую по берегу цепочку водолазов.

2

– А теперь о неприятном.

Все офицеры, собравшиеся в просторном кабинете командира части, мгновенно подобрались, услышав из уст Каргополова эти слова. Потому что за ними могло последовать все, что угодно, вплоть до обвинения в измене и шпионаже. Когда большая часть службы прошла в штате военной раз-

ведки, когда только и читаешь в рассылаемых циркулярах о враждебных действиях США и других стран блока НАТО, направленных на подрыв обороноспособности СССР, поневоле начинаешь подозревать всех и каждого в потенциальной измене. И за примерами далеко ходить не надо. В одном из последних приказов Генштаба как раз говорилось о разоблачении такого предателя, окопавшегося в управлении кадров Минобороны.

– Противник, в первую очередь спецслужбы США, наращивает усилия для получения сведений о наших войсках специального назначения. В том числе о формированиях подводных диверсантов-разведчиков и базах их подготовки, – продолжал Каргополов.

Щукин и его заместители с тревогой посмотрели друг на друга. Не ты ли, иуда, сообщаем американцам эти сведения?

– Вдоль наших южных границ идет строительство сразу нескольких сейсмических станций. Это не что иное, как новые посты технической разведки. Очевидно, противник собирается использовать их для отслеживания испытаний ядерного оружия на семипалатинском полигоне. Но... – Каргополов сделал многозначительную паузу, – как утверждают наши эксперты, эти сейсмические станции способны регистрировать и взрывы диверсионных фугасов на озере Балхаш. А это уже прямая расшифровка нашей базы!

Присутствующие на совещании офицеры расслабились,

разом забыв, что еще несколько секунд назад подозревали друг друга в измене. Шукин стал лихорадочно придумывать, какие мероприятия можно провести, чтобы избежать расшифровки военной базы или, по крайней мере, скрыть от противника ее истинное предназначение. Но на этот раз его предложения не понадобились.

– В связи с этим командованием принято решение об изменении программы подготовки водолазов-разведчиков и выделения курса минно-взрывного дела в отдельный этап обучения с переносом занятий на специально созданный для этой цели учебно-испытательный полигон в Сибирском военном округе, – объявил Каргополов. – Кого из своих инструкторов вы рекомендуете для этой работы?

В кабинете наступила мертвая тишина. Когда решение принято, поздно что-либо говорить и доказывать. Остается только исполнять. Но еще ни один командир добровольно не расформировал свою часть и не отпустил в другое подразделение ни одного ценного специалиста.

Шукин переглянулся со своим замполитом, подполковником Артемьевым, ища у него поддержки. И тот с готовностью пришел ему на помощь:

– Мы всесторонне рассмотрим все кандидатуры и представим вам на утверждение.

Но такой ответ не понравился начальнику главка.

– А этот инструктор, чья группа сегодня отличилась на учениях, что он собой представляет?

Замполиту по должности положено знать весь личный состав. Поэтому отвечать на вопрос генерала вновь пришлось ему.

– Старший лейтенант Мамаев, двадцать пять лет. К нам переведен из Отдельного морского разведывательного дивизиона Северного флота. Участник шести боевых операций. Имеет опыт глубоководных погружений и подводных взрывных работ. Награжден двумя орденами Красной Звезды и орденом Красного Знамени.

Артемов хотел закончить, тем более что сведения, почерпнутые им из личного дела Мамаева, на этом иссякли, но, встретившись взглядом со Щукиным, который беззвучно шевелил губами, поспешил добавить:

– Вместе с тем вынужден отметить, что Мамаев уделяет недостаточное внимание политико-воспитательной работе среди курсантов. Так, вместо семинара по изучению материалов XXVI съезда КПСС он организовал со своей группой марш-бросок, грубо нарушив план учебных занятий. В другой раз группа Мамаева в полном составе опоздала на лекцию по научному коммунизму. Причем староста группы заявил, что они опоздали из-за того, что под руководством своего инструктора отрабатывали под водой приемы рукопашного боя с холодным оружием.

Видя одобрение в глазах Щукина, Артемов готов был продолжать и дальше, но Каргополов перебил его:

– Мы обсуждаем кандидатуру инструктора, а не замполи-

та. Каковы результаты группы Мамаева в боевой подготовке?

– Самые высокие среди всех учебных групп, – нехотя ответил Шукин. Он уже понял, что со своим лучшим инструктором ему, судя по всему, придется расстаться.

– Тогда и нечего наводить тень на плетень, – отрезал Каргополов. – Готовьте документы на перевод. Для начала в распоряжение начальника разведуправления Сибирского военного округа.

После торжественного обеда в офицерской столовой, организованного по случаю завершения инспекторской проверки, когда командование части поголовно занялось подготовкой к вечерней рыбалке – такому же обязательному и не менее ответственному мероприятию при приеме высоких гостей, чем показательные учения разведгрупп боевых пловцов, Каргополов, уединившись со своим адъютантом в кабинете Щукина, изучал личное дело старшего лейтенанта Мамаева. Пролистав довольно толстую, несмотря на еще сравнительно небольшой стаж воинской службы офицера, папку и не найдя там ничего, что могло бы послужить основанием для перемены уже принятого решения, генерал захлопнул личное дело.

– Ну что голову повесил? – спросил он у угрюмо молчащего адъютанта. – Вон какого толкового инструктора нашли. Глубоководный ныряльщик, участник боевых операций, да еще трижды орденоносец!

Подполковник Москалин с сомнением покачал головой.

– Да я все переживаю, как на новом полигоне дело сложится. Места, говорят, там гиблые.

Он прослужил в адъютантах у Каргополова более шести лет и по праву считался его доверенным лицом, поэтому наедине с начальником высказывал свои сомнения напрямую. Но на этот раз слова адъютанта не вызвали у начальника главка ничего, кроме раздражения.

– А нечего переживать, нормально сложится. Матчасть готова, военный городок полностью отстроен. Хоть завтра начинай подготовку курсантов. А ты панические слухи распускаешь и местные сплетни поддерживаешь.

– А катастрофа вертолета штаба округа? – напомнил Москалин.

Каргополов поморщился, отчего его изборозженное морщинами лицо стало похоже на печеное яблоко.

– Это случилось год назад. Вывод комиссии однозначен – ошибка пилота, снизившегося до недопустимо малой высоты, в результате чего вертолет задел лопастями воду и рухнул в озеро. Так что слухи тут совершенно ни при чем. И вообще, военная разведка оперирует не слухами, а фактами.

– Так точно, товарищ генерал, – поддакнул Москалин, безошибочно научившийся определять, когда Каргополов допускает возражения, а когда нет. Хотя аргументы начальника на этот раз его отнюдь не убедили.

Увидев впереди профессора Петровского, Зоя остановилась. Петровский как раз вышел из кабинета заведующего кафедрой. Зое тоже нужно было попасть в кабинет, чтобы утвердить у завкафедрой свой учебный план, но встречаться с Петровским она не хотела. Какой смысл, если он уже сказал свое слово? А то, что профессор Петровский держит слово, об этом на кафедре биологии знали все: и студенты, и аспиранты. «Ну, и очень надо!» – сказала она самой себе, хотя на душе было горько и обидно. Вон Маринка сумела выбить для себя место в группе, хотя какое отношение тема ее кандидатской имеет к целям экспедиции? Ровным счетом никакого! Зато на защите можно будет с гордым видом заявить: участвовала в научной экспедиции по изучению забайкальской ихтиофауны. И ведь наверняка сработает. Мужики просто тают от умиления, когда узнают, что какая-нибудь смазливая аспирантка не поленилась съездить в экспедицию. Словно это так просто, захотела и поехала. Зоя вон сколько раз обращалась к Петровскому с просьбой включить ее в состав группы, уговаривала, чуть ли не на коленях стояла, а тот ни в какую. А Маринка пару раз переспала с его помощником Скворцовым – и вот, пожалуйста – уже в штате. И еще гордится этим. Противно слушать!

Зоя остановилась, сделав вид, что изучает стенд с матери-

алами научно-практической конференции. Но Петровский, как назло, повернул в ее сторону.

– Серебrenикова! Вы-то мне и нужны.

Надо же! Оказывается, она ему нужна.

– Вы по-прежнему горите желанием поехать в забайкальскую экспедицию?

– Конечно, Константин Львович! – Зоя просияла.

– Тогда собирайтесь. У Федосеева опять язва открылась, так что вакантное место есть.

Зоя вспомнила доцента Федосеева. Он всегда ходил хмурый и постоянно придирался к ней по пустякам, да и не только к ней. На кафедре его не любили. Но сейчас она испытывала к Федосееву искреннюю благодарность и, конечно, сочувствие.

– Но учтите, Серебrenикова, та часть плана исследований, которая была на Федосееве, теперь на вас.

Зоя поспешно кивнула.

– Конечно, Константин Львович.

– Работы будет много.

– Я готова.

Петровский постоял еще несколько секунд, словно обдумывал принятое решение – Зоя даже испугалась: вдруг опять передумает, потом объявил:

– Получите направление в учебном отделе. И не затягивайте. Через два дня выезжаем.

– Конечно, Константин Львович, – в третий раз повторила

Зоя. — Я прямо сейчас туда. Мне только учебный план подписать. — Она засуетилась, но Петровский уже шагнул по коридору, утратив к ней интерес.

Закончив свои дела на кафедре и получив в учебном отделе направление в экспедиционную научно-исследовательскую группу профессора Петровского, Зоя внезапно вспомнила, что в библиотеке за ней числятся несколько книг, в их числе монография самого Петровского о плоских червях. Книги лежали в ее комнате, в общежитии, и Зоя напрямик отправилась туда.

В общежитии она встретила Маринку Чашину. В Ленинграде у Маринки, точнее, у ее родителей была отдельная, хотя и однокомнатная, квартира, но Маринку часто можно было встретить в общежитии для иногородних, причем не только на этаже, где проживали аспиранты, но и среди студентов.

— Привет, подруга! — махнула она рукой на ходу. — Как дела? Какие планы?

Она всегда набивалась в подруги. Наверное, потому, что это позволяло ей без зазрения совести спихнуть на Зою проверку своей части студенческих рефератов.

— Еду с вами в Забайкалье, — похвасталась Зоя. Хотя сначала хотела устроить Маринке сюрприз на вокзале, да вот не утерпела.

— Да ты что?! — обрадовалась Маринка, и, похоже, искренне. — А ну-ка, давай рассказывай!

Она подхватила Зою по руку, влетела к ней в комнату и

набросилась с вопросами:

– Очаровала-таки Петровского? Ну и как он в постели?

– Ты что, совсем?! – возмутилась Зоя, даже покрутила пальцем у виска. – Соображаешь, что говоришь?!

Маринка только расхохоталась.

– Неужели моего Скворцова?

– Да ну тебя. Я такими вещами не занимаюсь.

– Ой-ой-ой! – Маринка вытянула свои ярко покрашенные губки. – Какие мы скромные. Между прочим, Петровский еще вполне ничего. Крепкий старичок.

– Какой он старичок? – вступилась за профессора Зоя. – В прошлом году на кафедре его сорокапятiletний юбилей отмечали.

Маринка согласно кивнула.

– Вот я и говорю: крепкий. – Она понизила голос: – Так у тебя ничего с ним не было? А как же ты тогда...

– Федосеев заболел.

– Так ему и надо! – сердито воскликнула Маринка. – А то лезет везде, где его не спрашивают! Недавно остановил меня в вестибюле. Чащина, что у вас за юбка? Вы, между прочим, в университет пришли, а не на танцы. Можно подумать, я не знаю, куда пришла! Пусть подольше болеет. Надоело его вечно недовольную рожу видеть. Жена, наверное, не дает, вот он ко всем и цепляется.

Зое стало жалко несчастного доцента.

– Зачем ты так говоришь? У него, между прочим, язва

открылась.

– Не придирался бы к людям – не было бы никакой язвы! Все болезни, кстати, от этого. Вот я, – Маринка повернулась к висящему на стене зеркалу, – плохого людям не делаю, зла никому не желаю. Поэтому и не болею... и выгляжу соответственно.

Зое стало смешно.

– А Федосеев?

Маринка отмахнулась.

– Дался тебе этот Федосеев.

Продолжая крутиться перед зеркалом, она собрала в кулак распущенные по плечам волосы, подняла их над головой и неожиданно спросила:

– Слушай, Зойка, может, мне прическу поменять? Сделать, как у тебя, с открытой шеей. Мне пойдет, как думаешь?

Зоя прыснула.

– А, ладно, не буду, – заключила Маринка. – Перед дальней дорогой что-либо менять – плохая примета. Вот вернемся, тогда и постригусь.

– Слушай! – внезапно о чем-то вспомнив, она присела на кровать рядом с Зоей. – Нам же надо решить, что мы с собой возьмем. В первую очередь нужна хорошая мазь от комаров, и побольше. А то будем ходить все искусанные, рожи, как репы... Чего ты ржешь?! В тайге комары просто звери. Самые опасные твари!

Но приступ смеха оказался таким сильным, что Зоя не

Сибирь встретила тридцатиградусной жарой. Для Игоря Мамаева это оказалось неожиданным. Сработал стереотип мышления, в мыслях Игорь представлял свое новое место службы глухим таежным тупиком с трескучими морозами.

Тем не менее он охотно согласился сменить балхашские солончаки на сибирскую тайгу. Пыль и обжигающая духота пустыни за два года службы на Балхаше уже порядком надоели ему. Как надоел скучный и однообразный пейзаж с гонимыми ветром колючими шарами перекати-поля и редкими кустиками жестких стеблей ковыля, таких сухих, что было совершенно непонятно, как он растет. В высохшей траве, среди песка и голых камней шныряли скорпионы, ядовитые сколопендры и гигантские многоножки, которым ни треск выстрелов, ни грохот взрывов были нипочем, поэтому их можно было встретить даже на полигоне. На Балхаше Игорь даже стал с симпатией относиться к змеям, которые охотились на всю эту членистоногую гадость. По-настоящему комфортно он чувствовал себя только в воде, даже тогда, когда приходилось погружаться на предельную глубину. Поэтому Игорь, не раздумывая, принял предложение командования продолжить службу на новом дальневосточном полигоне, которое исходило от самого генерала Каргополова. Тем

более что Каргополов пообещал повышение по службе, хотя так и не назвал будущую должность.

Кроме собственных амбиций, Игорем руководили и чисто человеческие желания. Ему очень хотелось увидеть настоящий, дремучий лес с поднимающимися к самому небу вековыми соснами и стволами в три обхвата, побродить по тайге с двустволкой и даже, может быть, поохотиться на лесную дичь, а не давить каблуками сколопендр и скорпионов, лопающихся с сухим хрустом под подошвами водолазных чулок и десантных ботинок.

То, что он глупо ошибся, воображая, что летом в Сибири так же холодно, как на побережье Белого моря, где он служил срочную, Игорю стало ясно, когда поезд миновал Уральские горы. На небе светило яркое солнце, и если бы не открытое настежь окно, через которое в купе врвался встречный ветер, впору было вспомнить жару балхашской пустыни. Зато пейзаж за окном радовал глаз. Игорь очень жалел, что Урал поезд пересекал ночью и ему так и не удалось увидеть знаменитые горы. Но и за Уралом было на что посмотреть. Лежа на верхней полке и уставившись в окно, Игорь подолгу любовался тянувшимся вдоль железнодорожного полотна хвойным лесом или холмами, покрытыми густой и даже на вид сочной травой, а не сухой и жесткой пустынной колючкой.

Компания в пути тоже подобралась веселая. Через одно купе ехали две студентки-хохотушки, возвращающиеся в Томский университет после летних каникул. Строго гово-

ря, студентов было пятеро: кроме двух девчонок, еще трое парней. Но студентки предпочли своим сверстникам более взрослого попутчика и, едва познакомившись с Игорем, пригласили его к себе в купе. Дорога предстояла долгая, и он охотно принял их предложение. Поначалу его удивило, откуда у бедных студентов деньги на билеты в купейный вагон. Сам он взял такой билет только потому, что проезд к новому месту службы оплачивало Министерство обороны. Однако вскоре в разговоре Игорь узнал, что студенты отнюдь не бедные – все москвичи и дети весьма обеспеченных родителей. Правда, сами ребята так не считали.

– У родаков на столичный вуз бабок не хватило, вот и учимся в Томске, – признался ему один из парней по имени Максим, или Макс, как представили его девушки. – А что, мне нравится. Предки далеко, полная свобода!

Игорь в ответ грустно вздохнул. Он никогда не видел своих родителей. Его детство прошло в донецком детдоме. В мальчишеских фантазиях отец представлялся Игорю знаменитым на всю страну шахтером, который погиб во время аварии на шахте, спасая людей. Взрывы метана, обвалы и пожары нет-нет да и случались на донецких шахтах, укрепляя веру Игоря в героическую судьбу отца. С матерью было сложнее. Она отказалась от сына сразу после его рождения. Игорь пытался придумать оправдывающие мать обстоятельства, но так и не сумел. В детдоме воспитывались разные дети. У одних родители действительно погибли, у кого-то си-

дели в тюрьме или были лишены родительских прав. Немало было и тех, от которых отказались собственные матери. Но именно к Игорю приклеилось обидное прозвище Подкидыш. Он спорил, отчаянно доказывая, что это не так. Но его упорство только распаляло насмешников. Когда слова не помогали, приходилось пускать в ход кулаки. Игорь бесстрашно бросался в драку, не обращая внимания на количество и физическую силу своих обидчиков. А так как в одиночку мальчишки обычно не высмеивали его – какой смысл, если насмешек никто не видит, то драться приходилось сразу с несколькими противниками. За драки в детдоме строго наказывали. А полученные Игорем синяки и ссадины редко удавалось скрыть, тем более что поначалу ему доставалось больше других. Так в дополнение к обидному прозвищу он приобрел репутацию хулигана.

Чтобы уметь постоять за себя, Игорь записался в секцию бокса. Одиннадцатилетних пацанов туда не брали, и он прибавил себе один год. Игорь не щадил себя на тренировках, при любой возможности приходил на дополнительные занятия и через год уже боксировал на равных с четырнадцатилетними и даже пятнадцатилетними ребятами. После городских соревнований, где он дошел до финала, уступив в решающей схватке лишь действующему чемпиону области, тренер пообещал поднять в комитете спорта вопрос о его переводе в школу олимпийского резерва. Однако все мечты о спортивных победах и олимпийской славе безжалостно разрушила

директриса детского дома – полная, надменная гримза, депутат городского совета и заслуженный учитель УССР, перед которой заискивали все учителя и воспитатели. Она с самого начала невзлюбила Игоря за его независимый характер и бескомпромиссную прямоту. Узнав, что он занимается боксом, она не поленилась лично сходить к главному тренеру, чтобы вручить собственноручно составленную на Игоря характеристику, где в красках описала хулиганские наклонности дерзкого воспитанника. Результатом ее визита стало исключение Игоря из боксерской секции. Узнав о решении тренерского совета, он два часа проплакал на чердаке детского дома. Именно тогда у него родилась мечта уплыть куда-нибудь далеко-далеко, за тысячу морей, от всех несправедливостей жестокого мира.

К шестнадцати годам Игорь твердо решил стать моряком. Однако опоздал с подачей документов в Николаевское мореходное училище, пришлось идти работать слесарем на судостроительные верфи, откуда через год его призвали в армию. Вопрос: где служить – для Игоря не стоял. Только во флоте! Но вышло иначе. Опередив флотских «покупателей», на сборном пункте появился майор в матросской тельняшке, уголок которой выглядывал в вырезе укороченного черного кителя, и таком же черном берете. «Морская пехота», – зашептались в строю построившиеся по приказу майора призывники. Игорь не выделялся среди них ни ростом, ни атлетическим телосложением, но оказалось, что у «покупате-

ля» наметанный глаз. Пройдясь вдоль строя, он остановился напротив Игоря, велел снять рубашку, безошибочно определил, что тот занимался боксом, потом предложил подтянуться на установленном во дворе сборного пункта турнике. И когда Игорь играючи подтянулся двадцать раз, его судьба определилась окончательно.

...Заметив, что его не слушают, Макс допил остатки пива из купленной на предыдущей станции бутылки, заглянул в горлышко и с сожалением поставил бутылку на пол.

– А какая у вас специальность? – поинтересовался Игорь.

– Юрис-пру-денция, – по слогам произнес Макс, с трудом выговорив длинное слово.

С одной бутылки так захмелеть невозможно. До пива парни определенно пили что-то более крепкое, сделал вывод Игорь.

– Значит, будете юристами. Интересная профессия.

– Ой! – скривился Макс. – Да мне по барабану, что там будет в дипломе написано. Главное, что от армии удалось откосить.

Сосед, сидящий рядом с ним, ткнул его локтем в бок. Но это предупреждение произвело обратный эффект.

– Чего ты пихаешься?! – сердито отмахнулся Макс. – Скажешь, не так, что ли? И ты, и вон Борька, – он указал взглядом на третьего студента, – когда поступали, только и думали о том, как бы в армию не загреметь да не угодить в Афган!

– Я, по крайней мере, люблю свою профессию, – заявил в

ответ его сосед. Кажется, его звали Павел.

Из всех трех парней он выглядел самым трезвым и сейчас явно стеснялся незнакомого попутчика, присоединившегося к их компании. Ни ему, ни его товарищам было невдомек, что точка зрения Игоря не так уж сильно отличается от их собственной. Игорь отнюдь не разделял предубежденность студентов по отношению к армии. Но собственный опыт службы в морской пехоте и спецназе ГРУ окончательно убедили его в том, что армия должна быть профессиональной и комплектоваться исключительно добровольцами, как формируются спецподразделения ГРУ и госбезопасности. Только профессиональная армия будет по-настоящему боееспособной. А то что же получается? Два года командиры обучают солдата, и, когда более-менее чему-то научат, он уходит на дембель. И все начинается сначала. А сколько воинских специальностей, которые и за два года не освоить новобранцу! Вот на учениях к орудийным прицелам, к экранам радаров, рациям и приемникам и встают офицеры, потому что солдаты-срочники не могут справиться с усложняющейся год от года техникой. Только кому нужен такой обман? Точно не матерям, чьи пацаны гибнут от пуль душманов в афганских горах, и не государству, которое армия должна защищать.

— А вы, Игорь, кто по профессии? — прервала ход его мыслей студентка с красивым именем Лиля.

Она явно пыталась своим вопросом смягчить накалившу-

юся в купе атмосферу, и Игорь охотно пришел ей на помощь.

– Я геолог. Работал в Средней Азии, теперь вот еду в Сибирь.

– Это вы там так загорели? – уточнила девушка.

– Точно. – Игорь кивнул.

– Нефть искали? – включился в разговор Павел.

– Воду. Зачастую в пустыне вода ценнее нефти. Даже ценнее золота.

– Не скажите!

Павел собрался возразить, но Лиля его перебила:

– А сейчас где вы будете работать?

Игорь пожал плечами.

– Куда пошлют. Как поется: а мы едем за туманом, за туманом и за запахом тайги!

Обстановка окончательно разрядилась. Девушки, оказавшиеся студентками вовсе не юридического, а экономического факультета, стали наперебой рассказывать о своих планах на будущее. Кто-то из парней достал гитару. У их третьего товарища, который в основном отмалчивался, оказался на редкость чистый голос. Лилия с подружкой принялись ему подпевать. И хотя они обе часто не попадали в ноты, это ничуть не портило общего впечатления от их исполнения.

Как ни хорошо было ехать с новыми знакомыми, участвуя в их разговорах с зачастую наивными по молодости суждениями, и слушать их студенческие песни, но в Томске с ними пришлось попрощаться. Путь Игоря лежал в Читу, в штаб

Сибирского военного округа, а студентов ждал университет. Особенно тяжело ему было расставаться с Лилей. И на то была отдельная причина.

В последнюю ночь перед Томском Игорю не спалось, и он вышел в коридор. Остальные пассажиры давно спали – двери всех купе были закрыты. Он остановился у окна и стал смотреть на проносящийся мимо темный лес. Внезапно в стекле возникло новое отражение – Лиля! Игорь обернулся. Девушка стояла рядом с ним и смотрела ему в лицо широко раскрытыми глазами. Стояла и молчала, явно чего-то ожидая. Он обнял ее за плечи и притянул к себе. И она бросилась ему навстречу, на мгновение прижалась лицом к его груди, а потом начала судорожно целовать. В глаза, нос, губы! Ее волосы пахли ромашкой и еще какими-то травами, губы были сладкими, как мед, а рот... Рот обжигающе горячим и глубоким, как озеро. Нет, как море, в котором хочется утонуть. Время для Игоря остановилось и вообще потеряло всякое значение, а вот место... Место было явно не подходящим. В любой момент в коридор мог выйти кто-то из пассажиров, которому именно в эту секунду приспичило прогуляться до туалета. И хорошо еще, если это окажется понятливый мужик, а если какая-нибудь скандальная тетка? Визг, крик. Игорь отлично себе это представлял. Как и заплаканные глаза Лили, готовой умереть со стыда. Такого он не мог допустить. Он легко подхватил девушку на руки, крепко прижал к себе и вышел в тамбур. Здесь было прохладно, в дверной

щели межвагонного перехода свистел ветер. Но это не имело значения. Здесь они были вдвоем, только вдвоем. Игорь перестал сдерживать себя. Он рывком задрал у Лили футболку, под которой больше ничего не было. Увидел маленькие, но упругие груди с призывно торчащими сосками и припал к ним губами, сначала к одному, потом к другому. Впился, как в загубник дыхательного аппарата. Лиля тяжело застонала. Ее впалый живот с темным отверстием пупка ввалился еще глубже, открыв широкую щель между гладкой кожей и узкими спортивными брючками. Игорь просунул ладонь в эту щель, оттянул резинку трусиков и скользнул туда, где начинается источник первобытных ощущений. Лиля закусилась пальцем на своей руке, чтобы не закричать. Она вся дрожала, а на лбу и на лице, несмотря на гуляющий в тамбуре сквозняк, выступили мелкие бисеринки пота. Все преграды рухнули. Потушить бушевавший в них обоих огонь страсти можно было только одним способом. Игорь уже был полностью к этому готов, когда его слух уловил в ритмичном перестуке колес новый звук – металлический скрежет поворачивающейся ручки межвагонной двери. Выпустив Лилу из своих объятий, он одним прыжком оказался возле двери и, схватив ручку, рывком вернул ее на место. С противоположной стороны на нее снова нажали, но безуспешно. Потом из-за двери послышался скрипучий голос проводницы:

– В чем дело?! Кто там хулиганит?!

Игорь обернулся к Лиле. Она уже одернула футболку, на-

тянула обратно спущенные трусики, потом штанишки и, не оглядываясь, вылетела из тамбура обратно в вагон. Игорь дождался, когда хлопнула дверь ее купе, и отпустил дверную ручку.

В тамбур ворвалась разъяренная проводница. Стрельнув во все стороны хищными глазами, она уперлась взглядом в Игоря.

– Что здесь происходит?! Это вы дверь держали?!

– Я помочь вам хотел, – изобразил обиду Игорь. – Вижу, замок заело, вот и помог открыть.

Проводница сердито сдвинула брови, но собственной версии случившегося у нее, видимо, не было. Она еще раз нажала на запорную ручку, та действительно поворачивалась туго.

– А здесь что делаете?

– Подышать вышел. В купе душно.

Проводница смирив Игоря недоверчивым взглядом, но так и не нашла к чему придраться.

– Нечего здесь стоять. Возвращайтесь в вагон, – напоследок бросила она и, пройдя мимо, скрылась в своем купе.

Игорь подождал несколько секунд и вслед за проводницей вернулся в вагон. Дверь служебного купе была открыта. Проводница пересчитывала стаканы или делала вид, что пересчитывает, а на самом деле следила за ним. Игорь прошел дальше и остановился напротив купе, где ехали девушки, но постучаться к ним так и не решился. Даже если Лиля не спит,

а она, конечно, не спит, что он ей скажет? Да и ее соседи могут проснуться: подружка Маша или Макс с Павлом. Стоило подумать о парнях, как Игорь ощутил укол острой ревности. Кто они Лиле, просто сокурсники, друзья-приятели или что-то большее? А она сама ему кто? Мимолетная знакомая, отдушина от скуки в дальней дороге или... Игорь не знал ответа. Он больше часа простоял под дверью Лилиного купе, но дверь так и не открылась.

Наутро Игорь тоже не смог объясниться. Лилия как будто нарочно избегала оставаться с ним наедине. Много шутила, но глаза при этом оставались грустными. Вскоре проводница объявила, что поезд подходит к Томску. Студенты стали укладывать свои вещи. Выбрав момент, Игорь выдернул Лилию в коридор. Именно выдернул – взял за руку и вывел из купе.

– Поехали со мной.

Она опешила. А может, не поверила в его искренность, хотя он говорил совершенно серьезно.

– Ну что вы! У нас же сессия. Вот в каникулы – другое дело...

Шутила, а сама чуть не плачет.

На вокзале, когда ехавшие до Томска пассажиры выходили из вагона, Игорь снова поймал Лилию за руку.

– Какой у тебя адрес? Я напишу тебе!

– Лучше я сама вам напишу, – ответила она. А куда напишет? На деревню дедушке? Если он и сам своего будущего

адреса не знает.

На перрон провожать Лилию Игорь не пошел, остался в вагоне у окна. А она так и не обернулась. Только Маша пару раз махнула рукой на прощание да Борис – бард-самоучка – выразительно поднял над головой гитару. Потом Лилия и ее приятели скрылись за спинами других пассажиров, а он все стоял у окна и смотрел на текущую вдоль состава толпу.

Больше Игорь знакомств не заводил и весь оставшийся путь да Читы читал газеты, которые охотно отдали ему соседи по купе, или смотрел в окно. Места, где проходил поезд, были красивыми. Очень красивыми! Но с глазами Лилии они сравниться не могли.

5

Спустившись из вагона на перрон, Игорь остановился. За его плечами был рюкзак, не брезентовый отечественный вещмешок с лямками и даже не «Ермак» с проволочным каркасом, а настоящий американский походный рюкзак – мечта любого туриста, да две дорожные сумки в руках. Вот и весь багаж. Под водой и на суше старший лейтенант Мамаев, он же Мамай, бывший командир разведгруппы, а ныне инструктор центра подготовки водолазов-разведчиков диверсионно-разведывательного отряда «Дельфин» Главного разведуправления, привык обходиться минимумом вещей. Мимо него целеустремленно брели другие сошедшие с поез-

да пассажиры, тоже с сумками, рюкзаками и чемоданами, некоторые еще и с детьми. В отличие от Игоря, все они куда-то спешили, словно боялись опоздать на другой поезд, хотя направлялись к зданию железнодорожного вокзала, выстроенному еще в дореволюционные времена и являющемуся, согласно информации, почерпнутой Игорем в туристическом справочнике о Чите, архитектурным историческим памятником. Он еще несколько секунд любовался на памятник дореволюционной архитектуры, после чего, присоединившись к спешащей толпе пассажиров, бодро зашагал к вокзалу.

Людской поток вынес Игоря на привокзальную площадь. Здесь поток раздваивался. Большинство пассажиров отправлялись штурмовать автобусы, меньшая часть сворачивала к стоянке такси. Опытным глазом Игорь определил, что почти все они были командированными. Мужчины, примерно от сорока до пятидесяти лет, в строгих костюмах и галстуках, без громоздких вещей, в основном с портфелями или недавно вошедшими в моду плоскими чемоданчиками-«дипломатами». Игорь наизусть помнил адрес штаба Сибирского военного округа, но, как добраться туда с вокзала, никто ему так и не объяснил. Наверняка придется делать пересадку, а возможно, и не одну. Трястись с вещами в переполненном автобусе совсем не хотелось. Игорь решил не портить впечатления от поездки и вслед за командированными направился к стоянке такси.

– Тебе куда, командир? – вынырнул откуда-то бойкий мужик в клетчатой рубаше с закатанными рукавами, мятых брюках и стоптанных туфлях. На указательном пальце он демонстративно крутил кольцо с автомобильными ключами.

Игорь удивленно остановился. Конечно, короткая стрижка – необходимый элемент его воинской специальности и отличительный знак принадлежности к вооруженным силам, но чтобы обыкновенный таксист разбирался в таких тонкостях... Ни Лиля со своими друзьями, ни соседи по купе не узнали в нем военнотружущего.

– Ехать, говорю, куда? – повторил самозванный таксист.

Только тогда Игорь сообразил, что «командир» – это просто его универсальное обращение. Он назвал адрес.

– Червонец.

Игорь недоуменно нахмурил брови. Названная цена показалась ему явно завышенной.

– Ладно, пятера, – сразу пошел на попятную таксист.

Возможно, он сбавил бы и еще. Но Игорь решил не прерваться с водителем из-за нескольких рублей, рассудив, что штаб может находиться где-нибудь на противоположном конце города. Ехать пришлось довольно долго, и Игорь несколько раз похвалил себя за то, что благоразумно решил отказаться от автобуса. Таксист сам отыскал нужный адрес. Впрочем, по обилию людей в военной форме у парадного подъезда старинного кирпичного особняка нетрудно было догадаться, что именно здесь находится штаб военного окру-

га.

Расплатившись и забрав из машины вещи, Игорь вошел в высокие резные двери, но сразу же был остановлен прапорщиком, проверяющим у входящих служебные удостоверения. Командировочное предписание не произвело на прапорщика никакого впечатления. Он неодобрительно покопился на сумки Игоря и махнул рукой:

– Обратитесь в бюро пропусков.

Бюро пропусков имело отдельный вход со стороны двора. Прежде, когда в особняке еще не разместился штаб, эти двери служили обычным черным ходом. За окном выдачи сидела женщина в военной форме. Игорь представился и, протянув в окошко свое предписание, добавил, что командирован в Сибирский военный округ для прохождения дальнейшей службы. Женщина внимательно изучила его документы, потом куда-то позвонила по внутреннему телефону и попросила Игоря подождать. Ждать пришлось довольно долго. За это время пропуска получили пять офицеров, причем без всяких формальностей. Все они недоуменно косились на Игоря и его вещи. Он уже начал раздражаться, когда наконец открылась внутренняя дверь и в коридор вышел округлый подполковник с высокими залысинами и широкой плешью на самой макушке.

– Вы Мамаев? – нетерпеливо спросил он.

– Старший лейтенант Мамаев прибыл... – начал представление Игорь, но подполковник остановил его.

– Первухин, инспектор управления кадров, – скупое представился он и, смерив Игоря с ног до головы внимательным взглядом, недовольно спросил: – Вы почему без формы?

По соображениям конспирации, всем бойцам отряда «Дельфин» было строго запрещено выходить за пределы части в военной форме. Но не объяснять же это малознакомому и, в общем-то, постороннему человеку.

– Я только что с поезда, – признался Игорь.

Первухин неодобрительно покачал головой.

– Ну, так в поезде бы и переоделись. И личные вещи надо было не тащить с собой, а оставить на вокзале. Тут всего-то два квартала.

– Два квартала?! – Игорь опешил. – Да я на такси ехал почти сорок минут.

Его слова отчего-то вызвали у Первухина улыбку.

– Сорок минут, говоришь? Ну, ты даешь! – Не прекращая улыбаться, кадровик покачал головой, демонстрируя тем самым свое отношение к уловке таксиста, на которую Игорь так глупо попался. – Ладно, иди за мной, старший лейтенант Мамаев. Багаж свой можешь здесь оставить. Ничего с ним не случится.

Вслед за подполковником Игорь прошел в его служебный кабинет. Кроме письменного стола и сейфа, здесь стояли два стеллажа, плотно заставленные картонными папками. Очевидно, они являлись отличительной чертой кабинета кадровика. Еще одна такая же папка лежала у Первухина на столе.

– Присаживайся. – Указав рукой на ряд стульев у свободной стены, подполковник опустился за стол и сразу раскрыл приготовленную папку. – Так, ты направляешься в воинскую часть 64083, специальный учебный центр подготовки водолазов-разведчиков. Вот, держи новое предписание. – Он протянул Игорю недавно отпечатанное командировочное предписание. – Часть эта особая! О самом факте ее существования никому не известно. Сформирована только в этом году. Обрати внимание на две последние цифры номера. Так что тебе, можно сказать, повезло, начинаешь службу в подразделении с момента его создания. Ну, командир части, капитан первого ранга Добровольский, введет тебя в курс дела. Вещевой, денежный и прочие аттестаты получишь на месте.

Первухин перебрал остальные листы, захлопнул папку и объявил:

– Ну, все. Желаю удачи. – Он протянул Игорю руку. – Остальные материалы мы перешлем в часть вместе с твоим личным делом.

Игорь недоуменно поднялся. После долгого ожидания его удивила такая короткая беседа.

– Но, согласно первому предписанию, я должен доложить начальнику разведуправления.

Первухин от души рассмеялся.

– Ну, ты даешь, Мамаев! Ты что же, всерьез думал, что начальник управления тебя примет? Я вон подполковник, а ни разу у него на приеме не был. Отныне твой начальник

каперанг Добровольский. Ему и доложишься. Все, ступай. У меня и без тебя работы полно.

Говорить было больше не о чем, и Игорь уже собрался уходить, но Первухин внезапно остановил его.

– Да! Ты же не знаешь, как добираться. От Добровольского в Читу иногда машины ходят, но когда она еще появится, эта машина. Езжай-ка ты лучше поездом. Так вернее будет. Доедешь до станции Витимга. Помнишь такую? Ты должен был ее проезжать.

Игорь отрицательно покачал головой.

– Ну, не важно. Доедешь. А оттуда до хозяйства Добровольского, можно сказать, рукой подать. Всего каких-нибудь сто пятьдесят километров.

– Сто пятьдесят?! – Игорю показалось, что он ослышался.

– Привыкай, – хохотнул Первухин. – У нас в Сибири это не расстояние. Да ты не переживай. Я сообщу в часть о твоём приезде. Они за тобой машину пришлют.

Игорю показалось подозрительным, что командование части ради него будет посылать машину за сто пятьдесят километров. Но, может быть, здесь, в Сибири, это действительно в порядке вещей. Да и Первухин заявил об этом с такой уверенностью, что Игорь счел неудобным высказывать ему свои сомнения.

– Разрешите идти, товарищ подполковник?

Видимо, Первухину не часто приходилось слышать в свой адрес официальное обращение. Он даже приосанился.

– Идите, – по уставу четко ответил он. Но этой четкости хватило ненадолго, и закончил кадровик уже своим обычным тоном: – Выйдешь на площадь, поворачивай налево. Пройдешь два квартала, увидишь вокзал. Тут идти минут десять, ну, с вещами, может, пятнадцать.

6

Через пятнадцать минут Игорь снова подходил к вокзалу. Привокзальная площадь опустела, такси разъехались. Видимо, до прибытия следующего поезда оставалось еще много времени. Но в зале ожидания, у касс, по-прежнему толпились жаждущие билетов пассажиры. Игорь с тоской взглянул на эту потную и скандалящую очередь и подошел к железнодорожному расписанию. К его удивлению, станции Витимга в расписании не оказалось. Пришлось обратиться за разъяснением в справочную. Девушка, сидящая в окошке, объяснила, что в Витимге останавливаются всего несколько проходящих поездов, поэтому ее и нет в расписании. Наверное, вид обратившегося в справочную молодого мужчины вызвал у нее сочувствие, или девушке просто хотелось поговорить. Во всяком случае, она добавила, что ближайший поезд, делающий остановку в Витимге, это пассажирский Чита – Улан-Удэ, который отправляется через четыре часа. Времени до отправления было еще достаточно, но стоять в осаждающей кассы очереди не хотелось, и Игорь отправился на поиски

военного коменданта. Побродив по вокзалу, он обнаружил отдельный зал для военнослужащих. На входе стоял военный патруль, отсекающий всех посторонних. В зале имелась и воинская касса, где Игорь без особого труда приобрел нужный билет.

Четыре часа ожидания пролетели незаметно. Воспользовавшись советом Первухина, Игорь сдал вещи в камеру хранения и отправился гулять по городу. По дороге съел две порции эскимо (невиданное лакомство в казахской степи), выпил большую кружку разливного кваса из бочки, для чего пришлось отстоять немалую очередь. Все это напомнило Игорю его первые увольнительные во время срочной службы.

За четверть часа до отправления Игорь уже сидел в вагоне. Общий вагон, куда он взял билет, не шел ни в какое сравнение с купейным вагоном скорого поезда, на котором он прибыл в Читу. Незакрывающиеся тамбурные двери, годами не мытые окна с треснутыми стеклами, потертые и исцарапанные, а то и изрезанные ножами пассажирские полки. Пассажиры тоже были под стать вагону. Игорю еще повезло с соседями. На противоположной полке расположились пожилые муж с женой, явно селяне, приехавшие в Читу по какой-то своей надобности. А по вагону прохаживались расхристанные и вовсе голые по пояс мужчины в засаленных и вытянутых на коленях штанах. Многие, если не большинство обнаженных торсов покрывали характерные уголовные

татуировки. То и дело слышалась матерная ругань и звон посуды. Для оценки обстановки Игорь прошелся по вагону, с ходу определив, что выпивки у пассажиров гораздо больше, чем закуски.

Одна агрессивная компания, состоящая из трех поджарых, жилистых мужчин с хмурыми и быстрыми взглядами, ему особенно не понравилась. Верховодил в этой троице долговязый парень с широкими, похожими на ласты, кистями и вытатуированным кинжалом на правом плече. Когда Игорь заглянул в купе, где обосновалась троица, долговязый как раз разливал по стаканам бутылку «Русской». Стаканов было только два, но собутыльники явно не обращали внимания на недостаток посуды. Рядом со стаканами на столе валялась сорванная пробка-бескозырка и внушительного вида столовый нож с длинным и широким лезвием. Четвертый пассажир купе, по виду сельский агроном или председатель захудалого колхоза, в мятом костюме и перекрученном галстуке, торопливо собирал свои неосмотрительно разложенные вещи, чтобы перейти на другое свободное место. Когда он боком стал протискиваться к выходу, долговязый, не оборачиваясь, протянул руку и цепко ухватил соседа за полу его пиджака.

– Закусь есть?

«Агроном» залепетал в ответ что-то бессвязное и даже раскрыл свой потертый портфель, демонстрируя его содержимое.

– Тогда пшел отсюда! – долговязый оттолкнул мужичка, и тот пробкой вылетел в коридор.

Игорь поддержал его под локоть.

– С вами все в порядке?

– Да-да, – поспешно кивнул выселенный из своего купе пассажир и, зажав под мышкой портфель, шмыгнул в дальний конец вагона.

Никто из компании долговязого даже не обернулся в его сторону. Наглецов следовало проучить, но Игорю не хотелось провоцировать драку, да и скрывшийся пассажир был только рад, что его оставили в покое.

Когда Игорь вернулся в свое купе, его соседи как раз собрались перекусить. На застеленном газетой столе лежала запеченная курица, батон белого хлеба, огурцы, зелень и несколько сваренных вкрутую яиц. Пожелав супругам приятного аппетита, Игорь сел на свободное боковое место, чтобы не смущать соседей своим голодным видом. Пока он гулял по городу, есть совсем не хотелось, должно быть, из-за кваса и двух порций мороженого, поэтому Игорь даже не подумал о том, чтобы взять что-нибудь из еды с собой в дорогу. Сейчас приходилось расплачиваться за это легкомыслие.

Он отвернулся к окну, но не успел даже рассмотреть проплывающий мимо пейзаж, как в купе ввалился один из собутельников долговязого.

– О, курочка! – довольно воскликнул он и бесцеремонно сгреб со стола батон и курицу.

– Э-э, ты чего? – растерянно пробормотал сосед Игоря. Его супруга схватила мужа за руку, испугавшись, что он сейчас ввяжется в драку. Но мужчина ни о чем таком и не помышлял.

– Делиться надо, папаша! – еще шире окрысился приятель долговязого, обнажив две стальные фиксы на нижней челюсти.

Но уже через секунду улыбка исчезла с его лица, потому что Игорь заслонил ему дорогу.

– Верни все на место.

– Ты кто такой?! Тебе чо, больше всех надо?! – истерично выкрикнул грабитель, одновременно распалая себя и подавая сигнал своим приятелям.

Игорь без лишних слов взял его за руку, вывернул кисть, взял из разжавшихся пальцев курицу и положил обратно на стол.

– Да ты...

Грабитель выронил батон хлеба и замахнулся на Игоря кулаком. Договорить он не успел. Двумя пальцами Игорь ткнул его в солнечное сплетение, сдавив нервный центр. Никто из пассажиров этого не заметил. Они только увидели, как истошно оравший хулиган внезапно замолчал и стал пятиться назад, судорожно хватая ртом воздух. Но тут внимание зрителей захватило другое действие. Громко топоча ногами, на помощь своему отключившемуся собутыльнику спешил долговязый со вторым приятелем.

– Нож! Нож! – испуганно пронеслось по вагону.

Действительно, в правой руке долговязый сжимал тот самый столовый нож, которым прежде распечатал бутылку водки. Игорь, как никто другой, знал, что в руках профессионала нож – страшное оружие. Да и непрофессионала тоже – по данным милицейской статистики, именно столовыми ножами в стране совершается большинство убийств. Но долговязый отнюдь не походил на любителя. Он грамотно держал нож, обхватив рукоятку сжатыми в кольцо большим и указательным пальцем. Именно такой хват оптимален для нанесения колющих и рубяще-режущих ударов. Последнее наблюдение особенно не понравилось Игорю. Второй нападавший, маячивший за спиной долговязого, тоже явился на разборку не с пустыми руками. Игорь разглядел у него между пальцами плотно зажатое бритвенное лезвие. Но главную опасность представлял именно вожак этой шакальей стаи. Узкий проход между рядами полок мешал нападавшим ринуться в атаку одновременно, но Игорь по той же причине оказался лишен возможности маневра. Он чуть отступил назад, выбирая место для схватки. Долговязый расценил это как страх и ринулся вперед, выставив перед собой нож. Игорь качнулся в сторону, ровно настолько, чтобы уйти с линии атаки, левой отбил целящую ему в живот вооруженную руку, а правой сдавил долговязому запястье и рывком заломил руку противника за спину. Нож выскользнул из разжавшихся пальцев, оказавшись в ладони Игоря. Все произошло настолько

стремительно, что собутыльник долговязого, не успев остановиться, смазал кореша зажатым между пальцами лезвием по другой руке. Долговязый истошно заорал, причем отнюдь не от боли в порезанной руке. За мгновение до того, как бритвенное лезвие распороло кожу на его локте, Игорь почувствовал, как заломленная рука долговязого выскочила из плечевого сустава. Он немного перестарался с захватом – наработанные рефлексy боевой машины автоматически довели болевой прием до конца. Тем нагляднее будет преподанный уголовной швали урок.

– Бросай оружие! Руки за голову! – скомандовал Игорь последнему противнику.

– Ты кто, мент? – испуганно пролепетал тот.

То ли третий шакал не понимал команд из арсенала подводных диверсантов-разведчиков, то ли просто замешкался от неожиданности. Но бритвенное лезвие он так и не бросил. Это оказалось его ошибкой. Игорь, уже не собиравшийся больше применять силу, взмахнул рукой и коротко, но точно ударил противника рукояткой ножа в висок. На этот раз он контролировал силу удара и добился именно того, чего хотел, – кратковременной потери сознания. Оглушенный хулиган бесчувственным кулем растянулся на грязном полу. Игорь подобрал упавшую бритву и повернулся к остальным нападавшим. Долговязый продолжал выть, баюкая вывихнутую руку. Его приятель, получивший удар под дых еще до начала схватки, испуганно жался к стене вагона. Неудавших-

ся грабителей со всех сторон обступили другие пассажиры. Судя по их суровым лицам, они были полны решимости продолжить публичное наказание.

– Вы посмотрите, что удумали жулики проклятые! – громче всех кричала соседка Игоря, еще минуту назад хранившая гробовое молчание. – Ведь в открытую людей грабят!

– У-у! Морды уголовные! – поддержала ее другая женщина.

– У меня такие же в прошлом годе на вокзале чемодан увели, – встрял в разговор какой-то старичок.

– Да выкинуть их с поезда, и все дела, – донеслось из толпы.

Игорь растерялся. Устроенный пассажирами самосуд вполне мог закончиться самочинной расправой. Но тут заявила о себе вовремя подоспевшая проводница.

– Тихо, граждане! – прикрикнула она на разошедшихся пассажиров. – Сейчас станция будет. В милицию их сдадим. Я уже начальнику поезда сообщила.

Возражать против такого решения никто не отважился. Но Игорь про себя подумал, что, если бы то же самое предложила не проводница, а кто-то другой, его бы попросту не услышали.

На ближайшей станции, где поезд, вопреки расписанию, простоял не пять, а почти сорок минут, в вагон поднялись круглолицый старлей и два сержанта из линейного отдела транспортной милиции. Судя по возрасту милицейского

лейтенанта, он уже лет десять как перехаживал в звании.

Когда сержанты увели задержанных, старлей обратился к Игорю:

– Ты их отделал?

Игорю не понравилось слово «отделал», но возражать было глупо, и он кивнул:

– Я.

– Пойдем, составим протокол. Опишешь все, как было.

Игорь замешкался. Хотя он не чувствовал за собой никакой вины – действовал в пределах допустимой самообороны, защищаясь от двух вооруженных холодным оружием хулиганов, идти с милицейским лейтенантом не было никакого желания. Дознание – процесс долгий. Пока он будет писать объяснительную и под протокол отвечать на вопросы следователя, поезд наверняка уйдет. А когда будет следующий, неизвестно. Как неизвестно и то, останавливается ли он на этом полустанке.

– Товарищ старший лейтенант, я не могу задерживаться. У меня воинское предписание. Я должен прибыть в часть без опоздания, – попробовал отговориться Игорь.

– Военный, значит? Офицер? – Начальник патруля с симпатией глянул на него. Игорь облегченно перевел дух – и, как оказалось, напрасно. – Тем более должен осознавать свой гражданский долг.

Игорь понял, что обойтись без составления протокола ему не удастся. На его счастье, в вагон вернулся один из патруль-

ных. Догадавшись, о чем идет спор, он предложил:

– Товарищ лейтенант, давайте я с офицером до следующей станции проеду. Заодно и других свидетелей опрошу. А если следователь захочет лично с товарищем офицером побеседовать, то всегда сможет вызвать его повесткой через командование части.

«Это вряд ли», – подумал Игорь, но вслух о своих сомнениях говорить не стал.

Старлей пожевал губами, очевидно, что-то прикидывая в уме, после чего сказал:

– Ладно, Некрасов. Добро. Только не забудь проводницу и бригадира поезда допросить. Мне потом для рапорта понадобится.

– Конечно, товарищ лейтенант! Не сомневайтесь! – с готовностью отозвался Некрасов.

По выражению лица сержанта Игорь понял, что он обрадовался решению начальника ничуть не меньше его самого.

– Слушай, у тебя пожевать ничего нет? А то я сегодня даже не обедал, – первым делом спросил он у Игоря, когда поезд тронулся с места.

Игорь с улыбкой развел руками.

– Аналогично.

На этот раз его соседка проявила понимание.

– Ой, да что же вы, ребята. Угощайтесь. – Она решительно согнала мужа с полки и подвинула на край стола многострадальную курицу, хлеб, зелень и вареные яйца. – Кушай-

те на здоровье.

Сержант не заставил себя ждать: тут же снял форменную фуражку, разорвал руками курицу и принялся за еду. Спустя несколько секунд к нему присоединился Игорь. Некрасов ел с таким аппетитом, что сдерживаться просто не было сил. Сытная домашняя еда сразу вернула Игорю хорошее настроение. Допрос, проведенный Некрасовым после импровизированного обеда, оказался сущей формальностью. Правда, некоторые вопросы заставили Игоря серьезно задуматься.

– Где служите?

– Под Читой. Войсковая часть 64083.

– А в каких войсках?

– В мотострелковых.

Легенды части Игорь не знал, поэтому сказал первое, что пришло на ум.

– Да? – Некрасов удивился. – А я решил, что в десанте. Вон как ты ловко один с тремя бугаями справился.

Игорь неопределенно пожал плечами: попробуй проверь. Но Некрасов не стал развивать эту скользкую тему. Заполнив протокол, он дал Игорю его подписать и отправился допрашивать проводницу, сказав, что еще вернется. Сержант возвратился, когда поезд уже стоял на следующей станции, второпях пожал Игорю руку и, пожелав ему и остальным пассажирам счастливого пути, выскочил на перрон. Милиционер оказался приятным малым, но, когда они расстались, Игорь вздохнул с облегчением. Инструкции, регламен-

тирующие поведение офицера секретного спецподразделения, предписывают не привлекать к своей персоне постороннего внимания, а он, что ни говори, сознательно нарушил эту заповедь.

7

На станции Витимга с поезда сошло всего пять человек. Перрона здесь не было вовсе, как не было и здания вокзала. За железнодорожной насыпью стоял рубленый домик начальника станции, а может, станционного смотрителя — Игорь до конца не был в этом уверен. Рядом с домиком располагался длинный барак с запертыми на висячий замок воротами и вывеской «Склад». Для удобства немногочисленных пассажиров был выстроен деревянный навес, служивший защитой от дождя и снега, на котором Игорь прочитал название станции «Витимга». Пока он рассматривал станционные постройки и оглядывался в поисках машины, которую обещал прислать за ним из части штабной кадровик, остальные сошедшие с поезда пассажиры незаметно разбрелись. Двух мужчин, судя по виду, геологов, забрал пожилой возница на своей телеге. Женщина с девочкой, одетые в грубые штаны и резиновые сапоги, видимо, скрылись на одной из уходящих в тайгу тропинок. Увидев, что остался совершенно один, Игорь направился к домику станционного смотрителя в надежде разузнать что-нибудь о машине из части.

Он решительно распахнул входную дверь и вошел внутрь. За дверью оказалось темновато, и Игорь сослепу чуть не налетел на девушку, стоящую в сенях. Та попятилась в сторону, но споткнулась о разложенные на полу баулы и непременно упала бы, если бы Игорь вовремя не подхватил ее под мышки.

– Простите. Я напугал вас.

– Да это вы меня простите. Растерялась от неожиданности, – улыбнулась в ответ девушка.

У нее было приятное лицо, обрамленное красиво уложенными на затылке светло-русыми волосами, и очень милая улыбка. В первый момент Игорь подумал, что девушка работает на станции или, возможно, она дочь станционного смотрителя, как в повести Пушкина. Последнее предположение показалось настолько забавным, что он тоже улыбнулся. Но, приглядевшись к девушке повнимательнее, Игорь понял, что ошибся в выводах. Выщипанные полумесяцем брови, аккуратно подведенные глаза, модная прическа, сделанная отнюдь не в сельской парикмахерской, и, наконец, одежда: яркая блузка и брючный костюмчик из плотной ткани со стройотрядовскими нашивками – все говорило за то, что девушка приехала сюда из крупного города, возможно, даже из столицы.

– Вы студентка из стройотряда?

– Уже нет. – Девушка грустно вздохнула, или Игорю это только показалось. – Просто форма осталась с той поры. А

здесь мы в экспедиции. Изучаем животный мир природных водоемов забайкальской низменности.

— Мы? — Только сейчас Игорь сообразил, что разложенных в сених баулов и сумок слишком много для одного человека.

— Да. — Девушка кивнула. — Профессор Петровский. — Сказано это было таким тоном, что Игорь почувствовал неловкость оттого, что не знает профессора Петровского. — Его помощник и две аспирантки: я и моя подруга Марина.

— А вас как зовут?

Игорь чувствовал себя в роли диверсанта, проводящего разведдопрос. Но девушка, кажется, не обижалась.

— Зоя. Зоя Серебrenикова.

— Игорь... Мамаев. — Он протянул руку, и Зоя охотно пожала ее. — Значит, вы учитесь в аспирантуре. А где, в Москве?

— Нет, в Ленинграде. — И вновь Игорю показалось, что девушка грустно вздохнула. — Вообще-то я собиралась поступать в Москве, но потом передумала.

Ее лицо внезапно сделалось печальным. Теперь Игорь уже не сомневался, что Зое неприятен этот разговор, и он поспешил сменить тему:

— А где же ваши коллеги?

— Константин Львович пытается узнать насчет машины. — Зоя указала взглядом на закрытую дверь жилой комнаты или, вернее, кабинета станционного смотрителя, откуда доносились взволнованные голоса. Судя по всему, разговор

шел на повышенных тонах. – А Марина с Виктором пошли за малиной. Тут рядом.

– А вас оставили караулить вещи? – уточнил Игорь.

Зоя потупила взор.

– Ну, надо же кому-то... У нас тут реактивы, научное оборудование и...

Договорить она не успела. С шумом открылась внутренняя дверь, и из кабинета в сени вышел невысокий, немного сутуловатый мужчина лет пятидесяти с начавшими седеть, но еще довольно густыми волосами. Видимо, это и был профессор Петровский. Подобно Зое, он был одет в толстотканые брюки, ботинки с высокой шнуровкой, чем-то похожие на берцы американских «зеленых беретов», рубашку и жилет со множеством карманов.

– Ничего невозможно выяснить! – сердито произнес Петровский, промокнув вспотевший лоб носовым платком. – Когда придет машина, неизвестно. Хотя в Иркутске меня заверили, что с транспортом у нас проблем не будет! А если она до завтра не появится, так что прикажете нам, здесь ночевать? И где, под открытым небом?

– У нас же есть палатки, Константин Львович, – попыталась успокоить профессора Зоя.

– Вот-вот! – Петровский поднял палец, словно хотел им погрозить. – Вместо того чтобы устроить базовый лагерь, мы разобьем временный, на маршруте.

Игоря удивило, что профессор демонстративно не заме-

чает его, но, выговорившись, Петровский все-таки обратил на него внимание.

– А вы не из Озерского, молодой человек?

Профессор смотрел на него с такой надеждой, что Игорю стало жаль его разочаровывать.

– Увы, нет. Я сам жду машину, но она что-то запаздывает.

– Знакомая история. – Петровский обреченно махнул рукой. – Ладно, пойдемте на воздух. Подождем вместе.

– А вещи, Константин Львович? – напомнила ему Зоя, но профессор только отмахнулся и вышел за дверь.

– Идемте, Зоя. Ничего с вашим снаряжением не случится, – заявил в ответ Игорь.

Зоя посмотрела на сложенные на полу баулы, потом перевела взгляд на Игоря, но спорить не стала и вышла следом за Петровским.

– А вот и Марина с Виктором вернулись, – донесся со двора ее звонкий голос. – Ну как, много малины собрали?

На скамейке, под навесом, сидела еще одна девушка, а рядом с ней парень примерно одного с Игорем возраста или чуть старше. Одним своим видом, точнее, нарядом, девушка сразу обращала на себя внимание. Она была в модной рубашке с отложным воротником и повязанным на шее цветастым платком. Полы рубашки она тоже завязала по-ковбойски узлом на животе, так что открылась широкая полоска кожи выше пупка. Довершали ковбойский наряд джинсы, не отечественная поделка, а самые настоящие импортные джинсы

– мечта столичных модниц и предмет откровенной зависти провинциалов. Вот только голову девушки украшала не широкополая ковбойская шляпа, а самодельный венок из полевых цветов. Ее спутник меньше всего походил на ученого, во всяком случае, в представлении Игоря. Скорее его можно было принять за атлета-культуриста или борца. Широким плечам было тесно под свободной рубашкой, а наголо обритая голова покоилась на мощной, накачанной шее. На коленях атлет держал пластиковую литровую канистру с отрезанным верхом, на две трети наполненную лесной малиной. Он и девушка по очереди брали оттуда по несколько ягод и отправляли в рот. Впрочем, увидев вышедшего во двор вслед за Зоей Игоря, девушка сразу прекратила это занятие. Она грациозно поднялась со скамьи, не сомневаясь, что все ее движения по достоинству оценят, и пошла навстречу.

– Зойка, где это ты такого красавца нашла? – спросила она, глядя на Игоря, и, не дожидаясь ответа, представилась: – Марина.

– Очень приятно. Игорь.

Она протянула ладонь, держа ее горизонтально, словно для поцелуя. Но Игорь ограничился легким рукопожатием.

– Вы за нами из Озерского? – поинтересовалась Марина, но, услышав ответ, в отличие от профессора ничуть не расстроилась. – А сами куда едете?

Игорь развел руками.

– Куда повезут. Я здешние места пока плохо знаю.

– Это не беда. Я вам сейчас все обо всем расскажу. – Марина загадочно улыбнулась, взяла Игоря под руку, как будто невзначай оттеснив Зою, и повела его за собой.

Но послушать «лекцию» о достопримечательностях Забайкалья на этот раз не удалось. Когда Игорь с Мариной уже подходили к навесу, на ведущей к станции единственной грунтовой дороге показался грузовик «ГАЗ-66» с военными номерами. Петровский не обратил внимания на номера и опрометью бросился к машине, но, увидев за стеклом водителя в армейской форме, растерянно остановился.

Из кабины грузовика выпрыгнул молодой прапорщик, окинул взглядом стоящих вокруг людей и бодро направился к сидящему на скамье крепышу. Игорь улыбнулся, поняв его ошибку, но поправлять прапорщика не стал. Тот козырнул, очевидно, представился и что-то сказал помощнику Петровского, на что крепыш отрицательно покачал головой и перевел взгляд на Игоря. Прапорщик растерянно обернулся.

– Виноват. Вы старший лейтенант Мамаев?

– Так точно. – Игорь кивнул и подал прапорщику руку. – Будем знакомы. Игорь.

Они пожали друг другу руки, и прапорщик виновато проговорил:

– Простите, товарищ старший лейтенант. Я не знал, что вы с супругой.

При этих словах Марина, так и не отпустившая локоть Игоря, еще теснее прижалась к его боку.

Петровский, глядя на нее, неодобрительно покачал головой.

– Марина, вы же взрослый человек, а ведете себя... Что люди о вас подумают?

– Ах, Константин Львович, – притворно вздохнула Марина, но все-таки выпустила руку Игоря. – А вдруг это моя судьба?

Прапорщик вконец запутался.

– Так вы не вместе?

– Участники исследовательской экспедиции из Ленинграда: профессор Петровский с ассистентами, – решил внести ясность Игорь, представляя своих новых знакомых.

Петровский, окрыленный внезапной мыслью, тоже вступил в разговор.

– Вы куда едете? – обратился он к прапорщику. – Умоляю, подвезите нас до Озерского! А то мы тут просто застряли. Машины нет, и когда будет – неизвестно. А у нас сроки, план экспедиции срывается.

В присутствии старшего по званию прапорщик не решился самостоятельно принять решение и обратился к Игорю:

– Вообще-то Озерское нам по пути, но все равно придется двадцатикилометровый крюк делать. Как думаете, товарищ старший лейтенант...

– Думаю, надо помочь товарищам ученым, – категорично ответил Игорь.

– Ой, спасибо! Вы нас так выручили, – просияла Зоя.

Но Марина вновь оттеснила ее и, забрав у атлета канистру с малиной, протянула ее Игорю.

– Угощайтесь, товарищ старший лейтенант.

Чтобы не обидеть ее, Игорь съел несколько ягод, после чего вместе с прапорщиком принялся загружать в кузов грузовика баулы со снаряжением экспедиции. После недолгого размышления помощник Петровского, атлет Виктор, тоже присоединился к ним. Втроем они быстро погрузили вещи в машину, Игорь забросил сверху свой рюкзак и сумки и, обращаясь к прапорщику, предложил:

– Девушек, думаю, посадим в кабину.

Он был уверен, что Марина откажется ехать в кузове среди наваленных в кучу вещей, и в то же время надеялся, что Зоя, наоборот, захочет подняться туда. Но Марина вновь удивила.

– Вот уж нет! Будем мы в тесной кабине трястись! Мы лучше здесь, на просторе.

Петровский тоже не пожелал отделяться от участников своей экспедиции, аргументировав это тем, что в кабине от него не будет толку, так как он совершенно не знает дорогу. Но Игорь подозревал, что ему просто хочется поговорить. В итоге в кабину снова сел прапорщик, а все остальные забрались в кузов.

По дороге Игорь внимательнее пригляделся к помощнику Петровского. Он еще раньше отметил внушительный рост Виктора, составляющий без малого сто девяносто сантимет-

ров, а сейчас обратил внимание на его руки. Точнее, на характерные мозоли на костяшках среднего и указательного пальцев.

– Увлекаетесь единоборствами?

Виктор неопределенно пожал плечами. Он вообще был немногословен и предпочитал отмалчиваться. Зато Марина с лихвой компенсировала его молчание.

– Виктор у нас спортсмен! – не без гордости объявила она. – Занимается карате. Слышали про такой вид японской борьбы?

Игорь кивнул:

– Кое-что слышал.

– Так вот, у Виктора, между прочим, черный пояс, – продолжала Марина, но, взглянув на помощника Петровского, переспросила: – Не черный? Ну, я забыла. Да какая разница. Главное, что Виктор наш защитник и на него всегда можно положиться. – Она передвинулась ближе к атлету и действительно положила голову ему на плечо.

Зоя заливисто рассмеялась. Игорь тоже не сумел сдержать улыбки, подумав при этом, что Виктору, наверное, уже порядком надоела восторженная болтовня Марины. Но тут разговор перехватил Петровский, и Марина вынуждена была замолчать.

– Вы не представляете, молодой человек, насколько мало изучена природа Забайкалья, – повернувшись к Игорю, горячо заговорил он. – Если животный мир тайги худо-бедно

описан, то речные и особенно озерные экосистемы нуждаются в подробнейшем изучении. Таяжные озера Восточной Сибири – это природные резервуары чистейшей, я бы даже сказал – кристально чистой воды. А мы ведь толком даже не знаем их геологического происхождения, не говоря уже о том, какие живые организмы их населяют. Ну, кроме тех видов промысловых рыб, которых добывают местные рыбаки. Поэтому наша экспедиция – это, по сути, первая попытка комплексного исследования всей озерной фауны...

Где-то через час езды Зоя задремала, навалившись на один из баулов, как на подушку. Марина о чем-то вполголо-са перешептывалась с Виктором. И только Игорь вынужден был слушать монолог Петровского. С гораздо большим удовольствием он поговорил бы с Зоей или даже с веселой болтушкой Мариной и ее молчаливым спутником. Но Петровский, выбрав его в качестве слушателя, никак не желал останавливаться, а Игорь, в свою очередь, не решался прервать его увлеченный монолог, опасаясь обидеть ученого своим невниманием. Неизвестно, сколько еще продолжалась бы эта лекция о природе забайкальского края, если бы дорога, петляющая среди поросших густым лесом холмов, не привела на берег изумительного по красоте озера, на берегу которого раскинулся небольшой таяжный поселок.

– Вот ваше Озерское. Приехали, – объявил Петровскому прапорщик, выглянув из кабины. – А нам еще километров тридцать, – добавил он, махнув рукой в сторону холма, за

который уходила дорога.

Игорь не прокомментировал это замечание, но про себя подумал, что не стал бы раскрывать посторонним людям месторасположение секретной части.

8

В Озерском Игорь пересел в кабину. Прапорщик настоял, и он не стал отказываться. Тем более что попутчики, с которыми можно было поговорить, остались в поселке. Петровский сразу отправился на поиски председателя сельсовета, а мужчины тем временем выгрузили из кузова снаряжение экспедиции. Обиднее всего было то, что даже не удалось нормально попрощаться с новыми знакомыми. Прапорщик, будь он неладен, запрыгнул на подножку и нетерпеливо спросил:

– Едем, товарищ лейтенант?

– Будьте здоровы. – Игорь по очереди пожал руки Виктору, Марине и Зое. – Желаю вам успехов и сенсационных научных открытий.

– И вам тоже, Игорь, – ответила Зоя.

– Удачи, – пояснила она в ответ на его недоуменный взгляд и добавила: – Может, еще увидимся. – В ее голосе отчетливо прозвучала надежда. Значит, их случайная встреча не оставила ее безразличной!

Грудь Игоря наполнилась приятным теплом, но тут вновь

подал голос прапорщик:

– Товарищ старший лейтенант.

«Черт бы тебя побрал!» Игорь выпустил хрупкую ладонь девушки и поспешил к машине.

– Вы уж нас не забывайте! – крикнула ему вслед Марина.

Горечь расставания притупила ощущения, поэтому Игорь мало обращал внимания на дикую, первозданную красоту не тронутой человеком природы. А посмотреть было на что. Могучие сибирские сосны и ели подступали прямо к дороге. Иногда их мохнатые лапы даже хлестали грузовик по лобовому стеклу. А когда дорога поднималась на вершины сопки, оттуда открывался изумительный вид на узкие долины, покрытые пестрым ковром полевых цветов, склоны холмов, заросшие густым лесом, и каменные осыпи, похожие на застывшие реки.

– Далеко же вы забрались, – заметил Игорь, имея в виду удаленность части от обжитых мест.

– Это разве далеко? – улыбнулся прапорщик. – До Читы всего каких-нибудь двести километров. А если по прямой, так вообще чуть больше ста.

– А сейчас еще долго ехать?

– Да, считайте, уже приехали. Вон за той рощей и наша часть.

Действительно, когда дорога вынырнула из соснового бора, Игорь увидел вдаль серебристую гладь таежного озера, а перед машиной – врытые в землю столбы с натянутыми меж-

ду ними рядами колючей проволоки: острой «колючкой» и режущей «егозой». Между первым и вторым рядами проволочных заграждений раскинулась маскировочная сеть. Чтобы невозможно было рассмотреть, что находится внутри, догадался Игорь. Очевидно, маскировочная сеть здесь выполняла ту же роль, что и бетонный забор на балхашской базе подготовки боевых пловцов. Грузовик остановился у зеленых стальных ворот с пятиконечными красными звездами. Ворота были такими же, как и во множестве других военных городков, где довелось побывать Игорю. Впрочем, не совсем. На балхашской базе они приводились в действие сервоприводом, а здесь распахивались караульными вручную. Игорь решил, что так сделано для экономии электроэнергии. Подъезжая к части, он не заметил ни одной линии электропередачи, что указывало на то, что электричество в части получают от дизель-генератора.

Сейчас ворота были открыты, но въезд на территорию части преграждал опущенный металлический шлагбаум, у которого стоял часовой со штык-ножом. Игорю стало интересно, как в новой части осуществляется проверка прибывающих лиц, но она оказалась примитивно простой. Из расположенной по соседству будки КПП выглянул старший сержант – очевидно, дежурный по КПП. Узнав знакомую машину и высунувшегося из кабины прапорщика, он дал отмашку часовому, и тот беспрекословно поднял шлагбаум. Водитель дал газ, и грузовик въехал в ворота. Так Игорь попал

на территорию своей новой части, само существование которой, по словам инспектора отдела кадров Сибирского военного округа, являлось секретным.

Пока машина ехала по территории военного городка, он с любопытством оглядывался по сторонам. Первое, что сразу бросалось в глаза – это отсутствие кирпичных строений. Их заменяли разборные щитовые одноэтажные домики, наподобие тех, что Игорь видел на Кавказе, в центре скалолазной подготовки, где в первый год своей службы в ГРУ сам проходил месячное обучение. Большинство домиков выглядели необжитыми. Возле некоторых еще лежали груды обычного строительного мусора. Личного состава в новой части, по видимому, было еще немного. Только вдалеке Игорь заметил группу солдат, занимающихся какими-то хозяйственными работами. У одного из недавно отстроенных домов с чисто прибранной территорией вокруг прапорщик велел водителю остановить машину.

– Наш штаб, – пояснил он. – Вам сюда, товарищ старший лейтенант.

На доклад к командиру части следовало являться в форме. Игорь чертыхнулся про себя: надо было переодеться по дороге. Но сейчас думать об этом уже поздно. Пожав на прощание руки прапорщику и сержанту-водителю, он выбрался из кабины. «ГАЗ» сразу же уехал, а Игорь зашагал к штабу.

Внутри, за отделенной стеклом перегородкой, сидел молодой кап-три с петлицами военврача на офицерском кителе

и красной повязкой дежурного по части на рукаве. Игорь назвал фамилию и протянул военврачу через окошко свое командировочное предписание. Но дежурный только мельком заглянул в документ, сразу поднялся и, выйдя из-за перегородки, протянул Игорю руку.

– Будем знакомы. Александр Татаринов. Можно просто Шура. – Похоже, он искренне обрадовался его появлению.

– Игорь Мамаев. Можно просто Мамай.

– Мамай? – удивленно переспросил Татаринов. – Любопытно.

Обращение по именам среди военных разведчиков не принято. Для этого используются оперативные псевдонимы или радиопозывные, как правило, являющиеся производными от имени или фамилии. Странно, что военврач этого не знал.

– А ты, значит, к нам инструктором? – продолжал он.

Игорь пожал плечами. Он и сам не знал свою будущую должность.

– Ну, проходи. Добровольский с утра тебя ждет. Направо, второй кабинет.

– Где я могу переодеться?

Татаринов оглянулся по сторонам.

– Давай у меня в комнате отдыха. Там же пока и вещи можешь оставить.

Вслед за ним Игорь прошел в комнату дежурного, а оттуда в соседнее помещение с узким зарешеченным окном и

двумя топчанами, служившими для отдыха дежурному и его помощнику. Через пять минут Игорь вышел оттуда одетый по всей форме. Правда, парадный китель немного помялся в дороге, зато три боевых ордена на груди: две Звезды и Красное Знамя – сияли во всем своем великолепии. Татаринов собирался ему что-то сказать, но, увидев награды, стушевался и лишь уважительно покачал головой.

Через минуту, коротко постучав, Игорь распахнул дверь командира части.

– Разрешите?

В кабинете во главе стола сидел сухощавый капитан первого ранга с хищным, хрящеватым носом и плотно сжатыми в прямую линию губами. Игорь понял, что это и есть командир части кап-раз Добровольский. Его прямой, пронзительный взгляд указывал на привычку повелевать и требовать безоговорочного выполнения своих приказов. Впрочем, все командиры частей морского спецназа, с которыми довелось встречаться Игорю, отличались решительностью и требовательностью. А вот нагрудный знак за двадцать пять парашютных прыжков на форменном кителе действительно выделял Добровольского среди всех остальных. В отряде «Дельфин» все водолазы-разведчики проходили парашютную подготовку. За время службы Игорь тоже совершил не один десяток прыжков, но вот уже несколько лет не носил значков с памятными цифрами. А Добровольский, видимо, придавал своему знаку большое значение, раз повесил его на груди рядом с

колодками правительственных наград.

Он хмуро глянул на Игоря и после того, как тот официально представился, сердито спросил:

– Почему вы опаздываете? Почему ваши командиры должны ждать, когда вы наконец соизволите зайти для доклада?

– Виноват, товарищ капитан первого ранга, – покаялся Игорь, решив, что никого из командиров не интересуют его оправдания.

Командиров было трое. Кроме Добровольского, в кабинете находились еще два офицера: кавторанг и сухопутный майор. Они сидели за приставным столом рядом друг с другом и так же строго глядели на явившегося на доклад новичка. Недовольным, правда, выглядел только один из них – кавторанг. Лицо майора выражало скорее отеческую суровость. Хотя по возрасту в отцы Игоря он никак не годился, разве что в старшие братья. Он был невысок, худощав и так же, как командир части, одет по всей форме, в кителе, рубашке и при галстукe. При чем если Добровольский позволил себе некоторое послабление, расстегнув китель, то все пуговицы у майора были аккуратно застегнуты, а знаки различия находились строго на своих местах. Своей опрятностью и открытым, располагающим к откровенности лицом он сразу вызвал у Игоря симпатию. Зато кавторанг при первом взгляде на него оставил неприятное впечатление. По-красневшие из-за лопнувших капилляров глаза и мясистый,

с такими же крупными красными прожилками нос указывали на опыт глубоководных погружений или страсть к выпивке. Нескладная, заплывшая жиром фигура, помятое лицо и обвисшие щеки убеждали в верности второго предположения. Ко всему прочему, кавторанг страдал от жары, и, хотя на нем была всего лишь рубашка с короткими рукавами и расстегнутым воротом, у него под мышками расплылись темные пятна пота. На Балхаше ни один офицер не позволил бы себе явиться к командиру части в таком виде.

– Проходите, садитесь, – обратился к Игорю Добровольский. – И учтите на будущее, я не потерплю в части расхлябанности и недисциплинированности.

Внешний вид кавторанга опровергал это утверждение, указывая, что между ним и Добровольским существуют неформальные отношения. «Наверное, зам по тылу, – подумал про кавторанга Игорь, – важная фигура при обустройстве части, вот командир и не желает портить с ним отношения».

– Познакомьтесь, Мамаев, – продолжал Добровольский. – Наш замполит майор Захаров. А это мой заместитель по боевой подготовке и ваш непосредственный начальник капитан второго ранга Щербак.

Игорь изумленно глянул на любителя спиртного. Совсем не таким представлял он себе своего непосредственного начальника.

– Вы назначаетесь старшим инструктором по боевой под-

готовке. Командование рекомендует вас как высококлассного специалиста. Но рекомендации еще нужно оправдать. Учтите это, Мамаев. На следующей неделе должны прибыть первые курсанты. От того, как вы их подготовите, будет многое зависеть, – Добровольский сделал паузу, – для всех нас. Но в первую очередь для вас, Мамаев. Поэтому ваша задача за оставшуюся неделю – познакомиться с материальной частью. Изучить водный и береговой полигоны, а также продумать, какие еще дополнения можно внести в их оборудование в соответствии с утвержденным планом боевой подготовки. План занятий с курсантами получите у капитана второго ранга Щербака. Вам все ясно?

– Так точно. – Игорь поднялся со стула, обозначив строевую стойку.

– Вы свободны.

Игорь замешкался. Следовало уточнить, где он будет жить, но ему не хотелось начинать свое общение с командиром части с этого вопроса. Чего доброго, тот еще подумает, что его ничего больше не интересует. К тому же Добровольский мог и не знать, куда поселили прибывшего в часть молодого старлея.

– Вы свободны, Мамаев, – повторил Добровольский, удивленно глядя на топчущегося у стола офицера.

– Есть, товарищ капитан первого ранга.

Игорь четко повернулся через левое плечо и вышел за дверь. В конце концов, вопрос о жилье можно выяснить и

позже. Опять же, у него есть непосредственный начальник, который обязан решать такие вопросы.

Почти сразу следом за ним из кабинета вышел Захаров. Замполит доброжелательно улыбался.

– Мы ведь как следует и не познакомились. Владимир Борисович. – Он протянул Игорю руку.

– Игорь.

– О-о! Я сразу понял, что вы настоящий боевой офицер, – заметил Захаров, встряхнув ладонью, которую Игорь от волнения сжал слишком сильно. – А пойдемте ко мне в кабинет. Там и продолжим беседу.

Игорь покосился на дверь кабинета командира части.

– Мне еще нужно переговорить со своим непосредственным начальником.

– Обязательно переговорите. У него кабинет в конце коридора. Да вы не беспокойтесь, я вас надолго не задержу. – Захаров распахнул дверь соседнего кабинета и сделал приглашающий жест.

Кабинет замполита оказался меньше, чем у командира части, ровно на длину стола для совещаний. Остальная обстановка была точно такой же: два стола, поставленных буквой «т», несколько стульев, книжный и платяной шкаф да металлический сейф в углу. На стене большой портрет Андропова, сменившего скончавшегося Брежнева на посту Генерального секретаря. Захаров прошел к своему столу, на котором не было ничего, кроме письменного прибора с перекидным

календарем. Игорь невольно вспомнил ходивший в войсках анекдот: замполит закрыл рот, и рабочее место убрано. Захаров расположился за приставным столом и небрежно махнул рукой на свободный стул напротив себя.

– Да вы присаживайтесь, Игорь. В ногах правды нет.

Игорь совсем не устал, но все-таки сел на предложенный стул.

– Вы к нам как, по собственному желанию попросились?

Игорь неуверенно кивнул:

– Можно сказать и так.

Захаров одобрительно кивнул:

– Это правильно. Во время войны была армейская газета «На боевом посту». Я считаю, очень правильное название. Где еще должен встречать врага настоящий мужчина, защитник, патриот, как не на боевом посту? А у нас здесь как раз боевой пост. Да-да, не удивляйтесь. – Захаров выразительно покачал головой, хотя Игорь и не пытался ему возражать. – Международная обстановка, сами знаете, по-прежнему остается напряженной. А мы здесь готовим водолазов-подрывников, подводных разведчиков-диверсантов, от действий которых во многом зависит успех на всех морских и береговых театрах военных действий. Поэтому все слухи, объективно способствующие нарушению хода боевой подготовки, в первую очередь выгодны противнику. Вот год назад над озером, отведенным под учебный полигон, потерпел аварию вертолет штаба округа. Погибли заместитель начальни-

ка штаба, трое сопровождающих его офицеров и два пилота. Следственная комиссия установила, что авария произошла по вине командира экипажа, который не справился с управлением. Однако откуда-то поползли упорные слухи, что виной всему якобы само озеро, которое таежные шаманы считают гиблым местом. Местные буряты и эвенки – люди в основном темные, даже те, кто получил образование, верят в эти шаманские сплетни, вот и болтают неведь что. Поэтому наша задача – бороться с этими слухами. Разоблачать их на корню. А то дошло до того, что кто-то уже успел в Москву эту байку сообщить! Просто смешно.

Однако лицо замполита, напротив, сделалось обиженным и сердитым. Игорь решил, что, скорее всего, он получил нагоняй от своего партийного или военного начальства за попустительство подобным слухам.

– Вы со мной согласны?

– Полностью! – поспешил заверить Захарова Игорь. – Я, Владимир Борисович, ни в какую чертовщину, заговоры-привороты не верю. Хотя среди нас, водолазов-разведчиков, действительно много людей суеверных.

– Вот и отлично. – Захаров вновь заулыбался. – Проведите разъяснительную работу среди курсантов и не допускайте впредь подобных слухов. Ну а если где-нибудь услышите такие разговоры, то сразу ко мне. Вместе будем думать, как их искоренить. Договорились?

Игорь слегка напрягся. Роль стукача, наушничавшего на

своих товарищей, всегда была ему глубоко омерзительна. Но Владимир Борисович, кажется, не предлагал ему ничего такого.

– Договорились.

Захаров облегченно выдохнул. Похоже, он не исключал вероятность отказа.

– Как вы находите нашего командира? – спросил он уже совсем другим тоном.

Вопрос оказался неожиданным. Игорь задумался.

– Да я еще и не успел его узнать.

– Отличный офицер. Более десяти лет в морской разведке. И человек достойнейший. Начинал службу вместе со Щербаким на Балтийском флоте. Правда, потом судьба их разделила. Добровольский ушел в штаб, на повышение, но старого друга никогда не забывал. И когда ему доверили формировать нашу часть, взял Щербакима к себе заместителем по боевой подготовке. Вот только Щербаким подводит своего товарища. – Захаров грустно вздохнул. – Не воздержан к алкоголю и часто этим злоупотребляет. Надо помочь человеку, а то боюсь, как бы не было поздно. И свою жизнь погубит, и Добровольскому судьбу сломает. Вы согласны со мной?

– Конечно, согласен. Вот только как?

– Да. – Захаров снова вздохнул. – Задача эта непростая. Я со своей стороны пытался, да пока не выходит. Но вместе, я уверен, мы с ней справимся. – Он ободряюще глянул на Игоря. – Вы, Игорь, теперь часто будете общаться со Щербакимом,

вот и держите меня в курсе. И если ваш начальник сорвется, я приду вам на помощь и подскажу, что делать. Считайте это вашим партийным поручением.

Игорь неуверенно кивнул. Он слабо представлял себе суть «партийного поручения». Захаров это сразу заметил.

– Что голову повесили? – с усмешкой спросил он. – Вы же разведчик, а разведчик должен уметь решать неожиданно возникающие задачи. Ну-ка, приободритесь.

Игорю стало стыдно за проявленную слабость, а Захаров уже другим тоном продолжал:

– Сейчас встретитесь со своим начальником. Если не будет никаких срочных поручений, отдохните с дороги. Вам выделили лучшую комнату в общежитии офицеров-инструкторов. Ближайший дом к курсантской казарме, рядом с полигоном. Другие инструкторы пока не набраны, так что будете жить один во всем доме. Место замечательное. Рядом тайга, а из окон прекрасный вид на озеро.

Игорю давно хотелось вблизи посмотреть на озеро, которое он толком и не видел.

– А как это озеро называется?

Захаров неожиданно помрачнел.

– Мертвое.

– Мертвое?

– Мертвое! – с вызовом повторил Захаров. – Название историческое, нанесено на все штабные карты. Да мало ли озер с таким названием? Вон на границе Израиля и Иордании есть

Мертвое море. Так что теперь, из-за этого и к воде не подходить?

– Да нет, я не в том смысле... – забормотал Игорь. Он и сам не мог понять, отчего его вдруг так удивило прозвучавшее название. Ну, Мертвое озеро, и что такого? Может быть, причиной тому рассказанная Захаровым история о гибели военного вертолета.

Тем временем Владимир Борисович справился со внезапно охватившей его вспышкой раздражения.

– Хорошо, Игорь. Думаю, мы поняли друг друга. Не забывайте наш разговор. Желаю вам удачи на новом месте и скорейшего продвижения по службе. Кстати, – он хитро прищурился, – старший инструктор – майорская должность. Так что служите честно, и очередное звание не заставит себя ждать.

– Спасибо, Владимир Борисович. Я не подведу. – Тронутый словами Захарова, Игорь от души пожал замполиту руку.

Он уже направлялся к двери, когда Захаров остановил его:

– С вами еще хотел побеседовать майор Трутнев, оперуполномоченный военной контрразведки. Он вас вызовет, если сочтет нужным.

В последней фразе замполита Игорь уловил какую-то недосказанность, но так и не понял, в чем она состояла.

Вернувшись к себе в кабинет, Щербак в сердцах хлопнул дверью. Это же надо! Мальчишку, щенка, прочат на его место! Хорошо, что Добровольский не пошел на поводу у этих штабных крыс и назначил Мамаева старшим инструктором, а не замначем по боевой, как того требовала Москва. Щербак вздохнул и тяжело опустился на скрипнувший под ним деревянный стул. На душе было хреново... Сейчас не пошел, а потом? Если в штабе будут продвигать щенка, никуда Добровольский не денется. Кому охота обострять отношения с командованием? Назначит мальчишку и замначем, и выше. А капитану второго ранга Щербаку, выходит, под зад коленом?! Выслуга есть, вот тебе пенсия в зубы, и проваливай... Думать об этом не хотелось. Щербак встал, открыл стоящий в углу сейф и достал с нижней полки армейскую фляжку, где хранил получаемый по норме медицинский спирт. Дома, в чулане служебной квартиры, у него стояла пятилитровая канистра спирта, откуда он регулярно пополнял хранящийся на рабочем месте «аварийный запас». Отвинтив винтовую пробку, Щербак сделал прямо из горлышка три больших глотка, довольно крякнул и вернул фляжку на место. Его лицо еще больше покраснелось, зато настроение сразу улучшилось.

– Хрен вам, – тихо произнес он, глядя в темное нутро сво-

его сейфа.

Если сопляк сорвет подготовку водолазов или, не дай бог, с кем-то из его курсантов приключится ЧП, между прочим, не такой уж редкий случай среди водолазов-подрывников, то щенок вылетит с базы, как пробка из бутылки, будь он хоть трижды, хоть десять раз орденосец.

В дверь коротко постучали. Кого еще черт принес?! Щербак поспешно прикрыл дверцу сейфа и обернулся.

– Войдите.

На пороге стоял Мамаев. Легок на помине.

– Разрешите, товарищ капитан второго ранга?

– Чего надо? – Щербак хмуро уставился на подчиненного, но быстро сообразил, что сморозил глупость. – Ах да, учебный план.

Он снова открыл сейф и достал из-под фляжки обтянутую кожзаменителем картонную папку.

– На, ознакомься.

Пока мальчишка читал, Щербак изучающе смотрел на него.

– Вот здесь одна из тем: установка мин на разной глубине. В том числе донных, – перевернув очередную страницу, спросил Мамаев. – А рельеф дна позволяет?

Щербак хмыкнул.

– Вот и проверишь. А ты что же думал, будешь командовать да отдавать приказы и ждать от курсантов их выполнения? Нет, брат. Ты сам, на своем примере, покажи, где, что

и как. Когда я служил инструктором– водолазом на Балтике, мы именно так и поступали.

Мамаев глянул ему в глаза. Нехорошо глянул: дерзко, без всякого почтения к начальнику.

– Я знаю боевой устав и служебные инструкции, товарищ капитан второго ранга! И намерен четко им следовать. Прежде чем что-либо требовать от курсантов, я отработаю с каждым из них все учебные вопросы. Все до единого. Даже не сомневайтесь.

«Ишь, сколько гонора. И глядит волком. Ничего, на словах мы все как на роялях. А вот каков ты в деле, мы еще посмотрим. И сделаем выводы».

Изучив учебный план и выписав что-то к себе в тетрадку, Мамаев ушел. Когда за ним закрылась дверь, Щербак снова потянулся к лежащей в сейфе заветной фляжке. У него опять испортилось настроение.

А Игорь вернул в секретную часть полученную перед визитом к Щербаку рабочую тетрадь, которую, за неимением личного сейфа, полагалось сдавать, и отправился на поиски своего нового жилища.

От штаба вдоль берега озера вела утоптанная дорожка, которая упиралась в ворота еще одного КПП. За воротами виднелась штурмовая полоса, отрытые в земле дзоты и хорошо знакомые Игорю по прошлому месту службы бетонные бункеры. Очевидно, это был береговой полигон. Игорь лишь мельком взглянул на полигон – его манило озеро, прости-

рающееся до гряды скалистых сопок на горизонте. Спокойная вода отливала серебром в лучах заходящего солнца. Но, прежде чем отправляться к озеру, нужно было хотя бы забросить в комнату вещи.

Между жилым сектором военного городка и полигоном была выстроена курсантская казарма – одноэтажный щитовой барак с двумя входами. Ближайший к ней жилой дом предназначался для инструкторов. Игорь вошел внутрь. Узкий коридор, заканчивающийся общим туалетом, душевой и умывальником, и четыре двери, ведущие из коридора в жилые комнаты. На одну из них кто-то уже повесил табличку с его фамилией. Что ж, предусмотрительно. Игорь распахнул дверь, но, прежде чем войти внутрь, остановился на пороге, осматривая свое новое жилье. Комната была небольшая, но уютная и обставленная всем необходимым. Возле двери платяной шкаф, достаточно просторный, чтобы повесить и форму, и гражданскую одежду, дальше кровать, заправленная солдатским одеялом, с тумбочкой в изголовье, над кроватью книжная полка, два стола: письменный и журнальный, и столько же стульев. Вся мебель казенная, но добротная, и самое главное – новая. Что особенно понравилось Игорю, так это стоящий на письменном столе полевой телефон. На балхашской базе телефон имелся только на посту у дежурного по общежитию. К тому же неженатые офицеры жили в комнатах по двое, так что жилого пространства здесь было больше. Он поставил сумки и рюкзак на пол, прошелся по

комнате до окна и обратно – пол не скрипел, потом заглянул в шкаф. На одной из полок для одежды стоял керосиновый фонарь «летучая мышь». Понятно, в жилом городке перебои с электричеством. Ну, это не самое страшное. Игорь закрыл дверцы шкафа, на несколько секунд задумался, не переодеться ли в повседневную форму или в гражданку, но решил не терять времени и отправился на берег в парадной форме.

Идти пришлось по песку, и Игорю стало жаль начищенные до зеркального блеска парадные туфли, которые уже через несколько шагов запылились. Он снял их, закатал брюки и дальше пошел босиком. На берегу никого не было, так что можно было не опасаться, что кто-нибудь заметит столь грубое нарушение формы одежды. Дойдя до линии мокрого песка, Игорь остановился. Вблизи вода уже не казалась серебристой. Ее цвет скорее напоминал блеск оружейной стали. Или это произошло из-за того, что за то время, пока он осматривал свою комнату, солнце опустилось чуть ниже.

Теперь он мог как следует рассмотреть озеро. Оно оказалось вовсе не таким большим, как он сначала вообразил. Озеро напоминало правильный эллипс, вытянувшийся с севера на юг. Ни заливов, ни тянущихся вдоль берега песчаных кос. В длину километров шесть, может быть, чуть больше, и около четырех в ширину. Северные берега представляли собой скалистые сопки. У Игоря сложилось впечатление, что их обрывистые каменистые склоны уходят прямо под во-

ду. Склон ближайшей сопки пересекала глубокая впадина, протянувшаяся от плоской, будто срезанной ножом вершины до самого берега. Причем если вершины других сопки густо поросли лесом, то на этой, как и на рассеченном впадиной склоне, Игорь не заметил ни одного деревца. Зато на других берегах шумела настоящая тайга. Правда, левее военного городка и дальше, на западном берегу, стена леса не была сплошной. Где-то там должно находиться устье судоходной реки, по которой пришли на озеро водолазный бот и два быстроходных катера, пришвартованные к недавно отстроенной пристани, а также баржа с низкой осадкой, стоящая на якоре в пятидесяти метрах от берега.

Поставив туфли на землю, Игорь подошел к воде. На мокром песке остались четкие отпечатки босых ног. Совершенно прозрачная у берега вода постепенно темнела, указывая на то, что уже через несколько метров дно круто уходит вниз. Идеальный рельеф для боевого пловца, так как позволяет водолазу незаметно подобраться к самому берегу. Вот только на боевых операциях такие подарки встречаются крайне редко. Надо будет найти участок с пологим дном и отработать высадку на берег там. Игорь зачерпнул в горсть воды, поднес к лицу, понюхал, потом отхлебнул глоток. Приятный вкус, и, главное, нет того запаха тины, который присутствует практически во всех реках и озерах с пресной водой, за исключением разве что горных источников. И почему озеро называли Мертвым?

Подобрав с песка туфли, Игорь зашагал обратно, но еще не успел выйти на дорожку, как что-то лохматое ткнулось ему под колено. Игорь обернулся и увидел возле своих ног пушистую лайку с весело закрученным бубликом хвостом. Собака не рычала, не виляла хвостом и вообще не выражала никаких эмоций, а сосредоточенно обнюхивала ему штанину. Он хотел погладить ее по загривку, но стоило протянуть руку, как лайка пружинисто отпрыгнула и приоткрыла пасть, обнажив острые зубы. Не оскалила, а только продемонстрировала, дав понять чужаку, что не потерпит фамильярности.

– Фу, Тунгус! Ко мне! – раздался издалека повелительный окрик.

И кобель, теперь Игорь убедился, что это был именно кобель, неохотно затрусил к своему хозяину. Хозяином пса оказался невысокий мужчина в брезентовой штормовке и таких же брезентовых штанах от армейской полевой формы, заправленных в яловые сапоги, с охотничьей двустволкой за спиной, шагавший по дорожке со стороны КПП. Никаких домов, кроме курсантской казармы и общежития инструкторов, поблизости не было, из чего Игорь заключил, что охотник направляется к нему.

– Так вот, значит, ты какой, старший лейтенант Мамаев, – усмехнулся мужчина, остановившись напротив Игоря. – Ну, здорово. А я уполномоченный военной контрразведки майор Трутнев.

Игорь удивился – Трутнев был примерно одного возраста

со Щербаком или Добровольским, ему давно следовало быть как минимум подполковником, – но вида не подал. Контрразведчик тоже сделал вид, что не заметил его босых ног. А может быть, ему действительно не было до этого никакого дела.

– Значит, не успел приехать – и сразу к озеру. Смотреть, так сказать, рабочее место. Похвально, – продолжал Трутнев. Причем было непонятно: иронизирует он или говорит серьезно. – Ну и как настроение после увиденного?

Игорь пожал плечами.

– Нормальное. – И, чтобы как-то поддержать разговор, спросил: – А вы на охоту ходили?

Контрразведчик пренебрежительно махнул рукой.

– Да какая у нас охота? Видишь, пустой вернулся. Мы с Тунгусом, – он указал на своего пса, который крутился у ног хозяина, – как сюда перебрались, так еще ни разу дичи не видели.

При этих словах пес остановился и задрал свою острую морду, словно хотел сказать: верно говоришь, хозяин. В его черных глазах было столько грусти и разочарования, что Игорю даже стало жалко собаку.

– Неужели здесь такая плохая охота? Или это вам так не везет? – поинтересовался Игорь и тут же пожалел о своем вопросе. Вдруг контрразведчик обидится?

Трутнев действительно обиделся, но не на слова Игоря.

– Нет здесь ни охоты, ни рыбалки, – зло произнес он. –

Хотя поначалу все думали как раз наоборот. Еще бы! Места глухие, заповедные. Сначала солдаты-строители, которые жилой городок строили, пытались в озере бреднем рыбу ловить. Ничего! Даже мелочи никакой не поймали. Удочки смастерили, тот же результат. Тогда уже наши офицеры взяли пару «лимонок», рыбки-то хочется, отошли подальше от части – и в воду. Рвануло знатно, сами потом рассказывали, но ни одна рыбина так и не всплыла. Ну, наши горе-рыбаки ладно, могли просто место неправильно выбрать. Мы с Тунгусом целый день по берегу ходили, хоть бы какую зверюшку встретили. Не то что соболь или лисица, мышь не попалась! Тунгус уж на что охотничий пес, а ни одного звериного следа не взял. Вот под Красноярском, где я раньше служил, – Тунгус у меня еще оттуда, он день побегает по тайге – и сыт. Я его летом даже не кормил, не вру. А здесь голодным прибегают. Я его теперь в лес не на охоту, а на прогулку вожу, чтобы только навык свой охотничий не терял. Ружье заряжу и пару патронов в карман суну на случай, если вдруг какая-нибудь косуля или кабан из глухой тайги на берег забредут. Да только никто не забредает. Прав Яшка, хреновое здесь место.

– Кто? – переспросил Игорь.

– Яшка. Шаман местный. Колдун по-нашему. Старый, лет восемьдесят, а может, и больше. У них, бурятов, не поймешь, – пояснил Трутнев. – Его по-своему, конечно, не так зовут, да только не выговоришь. Вот и прозвали Яшкой. Мне

про него впервые мужики из Озерского рассказали. Он сам где-то в тайге живет, но иногда к ним в поселок наведывается: за солью, за патронами или еще за чем. Денег не признает, а может, вообще не знает, что это такое. Расплачивается амулетами, бусами костяными или шкурками. Говорят, у него даже лодка из шкур звериных сделана, вроде индейского каноэ. Натуральный шаман. А не так давно, ты представляешь, к нам в часть заявился! Пришел на КПП и пугать начал.

– Пугать? – удивился Игорь.

– Ну, да. – Трутнев скривился. – А он по-русски всего пару слов знает. Вот и талдычит: плохо, плохо, уйди, уйди. Ругается по-своему и руками куда-то в лес машет. Раз такое дело, дежурный по КПП вызвал меня. Взял я пузырь, Тунгуса прихватил – и к нему. Надо же понять, чего он хочет. Он, как собаку увидел, отмяк. Подобрел даже и ругаться перестал. Отошли мы с ним от КПП подальше, не в кабинет же его вести, дерево нашли упавшее, присели. Он как-то ловко костерок соорудил. Я бутылку достал. Он, ничего что шаман, отказываться не стал, выпил. Стал я его осторожно расспрашивать, в чем дело. Вот тогда и услышал все эти байки про озеро. Если, конечно, понял старика правильно. – Трутнев изменился в лице и озадаченно потер лоб.

– Какие байки?! – чуть не выкрикнул Игорь.

– Про то, что это озеро – гиблое место. Дух здесь злой обитает или еще кто. И про то, что этот Яшка вроде как по-

ставлен его охранять.

– Охранять озеро?! От кого и зачем?

– От нас, от людей. А вот зачем? – Трутнев пожал плечами. – По-русски этот шаман изъясняется через пень-колоду, так что я мало понял из его болтовни. Только то, что нам всем нужно поскорее убираться отсюда. Иначе, мол, быть беде... Сказки, конечно, легенды таежные. Хотя, с другой стороны, как посмотреть. Зверя-то в окрестностях нет. И птиц на озере я тоже не замечал.

– И чем ваш разговор закончился? – осторожно спросил Игорь.

– А ничем. Я как мог этому шаману объяснил, что мы люди военные, злых духов не боимся и никуда отсюда не уйдем. Думал, он опять начнет ругаться. А он так грустно посмотрел на меня, потом на Тунгуса, ничего не сказал и ушел. Больше я его не видел.

Игорь стоял пораженный словами контрразведчика, совершенно не зная, что ему ответить. К счастью, отвечать не пришлось.

– Ладно, парень ты, вижу, отчаянный. – Трутнев указал на награды Игоря. – Не зря, видно, вас морскими дьяволами называют. Так что не бери в голову, прорвемся. А будут проблемы, заходи по-свойски, чем смогу – помогу. – Он свистнул, позвав за собой Тунгуса, и вместе с собакой зашагал к жилому городку.

Игорь вспомнил свой недавний разговор с замполитом.

Уже второй человек за сегодняшний день предлагает ему свою помощь. И тоже, надо думать, небескорыстно. Интересно, что потребует контрразведчик за свое содействие.

Глава 2

Инструктор по боевой

1

Ночью Игорь никак не мог заснуть. Он долго ворочался на кровати, но сон упорно не приходил. В конце концов, устав бороться с бессонницей, Игорь встал и подошел к окну. Над озером висела полная луна. Ее свет в виде серебристой, чуть подернутой рябью дорожки отражался в спокойной воде. Эта дорожка манила и притягивала. Игорь вспомнил, как мальчишки в детдоме по ночам шепотом рассказывали друг другу о том, что если долго смотреть на полную луну, то в конце концов сойдешь с ума, превратившись в лунатика. Сейчас рассказы про лунатиков и оживающих по ночам мертвецов казались обычными детскими страшилками, а тогда он и другие мальчишки верили в них всерьез. Уж очень убедительно Мишка Воскобойников, сосед по комнате, вещал о них замогильным голосом.

Игорь распахнул окно, набрал полную грудь наполненного кислородом таежного воздуха и прислушался. Вокруг стояла удивительная тишина. Он внезапно понял, что не может заснуть как раз из-за этой тишины. По ночам в балхаш-

ской степи можно было услышать завывание шакала или тихое шуршание пробегающего по песку стремительного скорпиона. Но здесь, на берегу Мертвого озера, стояла полная тишина. Ни стрекота сверчков, ни кваканья лягушки, ни шелеста крыльев летучей мыши – ничего. Вот уж действительно *мертвая* тишина. Игорь закрыл окно – ему больше не хотелось наслаждаться этой тишиной – и вернулся в постель.

С рассветом все ночные мысли вылетели у него из головы. Впереди было слишком много дел, чтобы тратить время на анализ своих ночных наблюдений...

– Ваше табельное оружие. – Прапорщик со склада артте-хвооружения положил на длинный, обитый жестью стеллаж липкий от смазки пистолет Макарова.

Там уже лежали двадцатизарядный «стечкин» с длинным и массивным глушителем, «АКС-74У» с прибором бесшумной и беспламенной стрельбы, четырехствольный «СПП-1М» – индивидуальное оружие боевых пловцов и гордость отечественных оружейников – «АПС», единственный в мире автомат для подводной стрельбы, способный за считанные секунды выпустить двадцать шесть пятнадцатисантиметровых стальных стрел, насквозь прошивающих человеческое тело. Игорь привычно оттянул затворную раму, щелкнул курком, проверяя работу ударно-спускового механизма, как проверил до этого исправность специальных автоматов и пистолетов для подводного и наземного боя. Внешне все выглядело исправно, но окончательно это станет ясно только

во время стрельбы.

Завскладом пододвинул к нему прошитую и опечатанную амбарную книгу, куда записал номера выданных единиц оружия.

– Распишитесь в получении.

Игорь взялся за авторучку, но, прежде чем поставить подпись, спросил:

– А нож?

Прапорщик мотнул головой.

– Это не у меня. Ножи на четвертом складе, где все водолазное снаряжение.

– Понятно.

Игорь вставил «ПМ» в жесткую кобуру из задубевшей от времени кожи, только что полученную на вещевом складе, а остальное оружие сложил в выпрошенный там же брезентовый баул, чтобы не идти по части, обвесившись автоматами и пистолетами подобно герою какого-нибудь кинобоевика.

В оружейной комнате Игорь составил пистолеты и автоматы в пирамиду, получив взамен у дежурного по части карточку-заместитель, после чего отправился на склад водолазного снаряжения.

Распоряжался там уже немолодой мичман с ярко выраженным малороссийским говором. Следуя за Игорем от стеллажа к стеллажу, он на ходу давал свои пояснения:

– У нас только легководолазное снаряжение. Там гидрокостюмы, а здесь дыхательные аппараты.

Игорь задержался у полки, где в ряд стояли кислородные дыхательные аппараты «ИДА-71». Они были ему хорошо знакомы. Принятые на вооружение в начале 70-х годов, они по-прежнему оставались самыми массовыми дыхательными аппаратами в подразделениях водолазов-разведчиков. И хотя самому Игорю приходилось погружаться и с более современными аппаратами, в том числе состоящими на вооружении боевых пловцов США, он по-прежнему с теплотой относился к «ИДА-71», отдавая должное надежности его конструкции.

Гидрокостюмы тоже оказались самыми массовыми, без терморегулятора и подогрева. В таком костюме уже на сотераметровской глубине водолаза начинает колотить лютый холод. Не спасают даже несколько слоев теплого шерстяного белья. Впрочем, с «ИДА-71» глубже и не погружаются. Игорь хотел заранее выбрать костюм для себя, но, перебрав несколько комплектов, убедился в бессмысленности своей затеи. Все гидрокостюмы оказались одного размера под рост водолаза от 170 до 176 сантиметров. Боевые пловцы отнюдь не великаны. Они должны суметь выбраться из подводной лодки через торпедный аппарат, а при использовании групповых средств движения разместиться вместе со снаряжением в узкой кабине подводного транспортировщика. Высокому человеку сделать это, мягко говоря, затруднительно. На флоте при отборе в подразделения водолазов-разведчиков для кандидатов прежде даже существовали строгие огра-

ничения по росту и весу. Но во всех правилах, как известно, встречаются исключения. Оставалось надеяться, что курсанты подготовительного отделения будут соответствовать прежним стандартам.

– А то ласты и маски. – Мичман подошел к следующему стеллажу, но Игорь не стал там задерживаться. Ласты и водолазные маски у боевых пловцов всего мира мало отличаются друг от друга.

– Покажите водолазные ножи.

– То сюда. – Мичман повел Игоря в другой конец склада.

Они прошли мимо стеллажей с разложенными на полках специальными резаками для проделывания проходов в боновых заграждениях и противодиверсионных сетях, всевозможными «кошками» с крючьями разной длины, бухтами строп разного цвета и диаметра, резиновыми и пластиковыми водонепроницаемыми мешками для транспортировки дополнительного снаряжения, пока наконец не остановились возле стенда с разложенными на нем, как на витрине, водолажными ножами в ударопрочных пластмассовых ножнах.

– Да, вам же положен нож по формуляру, – внезапно вспомнил мичман.

Игорь молча кивнул. Все ножи были одинаковыми, но он долго рассматривал ножны и рукояти и, наконец выбрав тот, на котором было меньше царапин, вынул его из ножен. Черный остроконечный клинок из углеродистой стали имел полуторную двустороннюю заточку. Остальную часть лезвия

покрывала пилообразная насечка для разрезания строп и канатов. Игорь взвесил нож на ладони, несколько раз по-разному перехватил его, чтобы пальцы почувствовали рифленую рукоятку. Клинок, словно живой, метался в его руке, описывая смертоносные дуги, и замирал, нацелившись на воображаемого врага.

Глядя на все это, мичман уважительно покачал головой.

– Так работать ножом у нас никто не умеет.

Его восхищение было таким неподдельным, что Игорь даже почувствовал себя неловко.

– Наверняка кто-нибудь умеет.

– Точно вам говорю: никто не умеет! – отрезал мичман, после чего Игорь поспешил вернуть нож обратно в ножны.

Осмотрев хранящееся на складе водолазное снаряжение и уже направляясь к выходу, он обратил внимание на висящую на стене электроразрядную дубинку для отпугивания акул, совершенно бесполезную на таежном озере.

– Зачем это вам? – удивился Игорь.

Мичман равнодушно пожал плечами.

– Получили. Да пусть висит. Я ее для охоты на крыс приспособил. Дуже не люблю этих бистий, – признался он.

– Ну и как, помогает? – улыбнулся Игорь.

– Да, може, и помогает. Только мне еще ни одна не попалась.

Игорь понимающе покачал головой. На армейских складах крысы действительно доставляют много хлопот. Правда,

он еще не слышал, чтобы на них охотились с помощью электроразрядной дубинки.

Склад спецбоеприпасов, как именовались мины и диверсионные фугасы, располагался отдельно от остальных, окруженный со всех сторон земляным валом и двойным ограждением из колючей проволоки. Игорь наметил его последним для посещения, но внутрь так и не попал. Двери склада, напоминающие люк в подземный погреб (собственно, склад и был таким погребом), оказались закрыты. А расхаживающий между рядами колючей проволоки вооруженный часовой, увидев приближающегося к посту незнакомого офицера, несмотря на свою молодость, с самым решительным видом взялся за автомат. Чтобы зря не нервировать его, Игорь повернул назад. Не хотелось лишний раз обращаться к Щербаку – еще во время первого разговора кавторанг ясно дал понять, что не собирается опекать своего подчиненного, но на этот раз без него было не обойтись. Дать указание пропустить нового инструктора на склад для ознакомления со спецбоеприпасами мог только начбой.

Своего непосредственного начальника Игорь нашел в штабе. Как и накануне, Щербак был хмур и чем-то недоволен, но на этот раз Игорь не почувствовал идущего от него запаха перегара.

– Товарищ капитан второго ранга, мне нужно осмотреть имеющиеся в наличии спецбоеприпасы, – остановившись напротив начбоя, сказал он.

Щербак исподлобья глянул на него.

– Это еще зачем?

Вопрос удивил Игоря.

– Как же иначе? Мне ведь предстоит вести с курсантами занятия по минно-взрывному делу. Поэтому я должен знать, какие мины и спецсредства будут в моем распоряжении.

– Узнаете, когда придет время, – пробурчал Щербак. – Минно-взрывное дело – заключительный этап учебной программы. Сначала по плану общефизическая и водолазная подготовка, огневая и работа с холодным оружием. У вас все готово для проведения этих занятий?

За готовность базы к проведению занятий с курсантами в первую очередь отвечает начбой. Но не напоминать же об этом непосредственному начальнику.

– Я пока осмотрел только береговой полигон, – признался Игорь.

Щербак как будто даже обрадовался такому ответу.

– Вот! – назидательно произнес он, подняв вверх узловатый палец. – А у нас еще, между прочим, есть водный полигон, учебные классы, стадион, баня... Проверьте, все ли там в порядке. Может быть, что-то надо починить или исправить. А вам, Мамаев, сразу мины подавай. До мин еще дожить надо.

Последняя фраза прозвучала явно не к месту. Щербак это понял и поспешил закончить разговор:

– Все, Мамаев, идите. Когда все проверите, доложите.

Следующие три дня Игорь знакомился с частью. Щербак ему в этом не помогал. Обычно с утра начбой запирался в своем кабинете и сидел там до самого вечера. У Игоря сложилось впечатление, что Щербак вообще предпочитает лишний раз не выходить из кабинета. Поскольку кавторанг почти ежедневно мучился с похмелья, Игорю было вполне понятно его желание как можно реже попадаться на глаза сослуживцам.

Но Игорь был даже рад предоставленной ему свободе. Он побывал в учебных классах и изучил имеющиеся там наглядные пособия. Поднялся на борт водолазного бота, где познакомился с командой и проверил работу барокамеры. Командир бота – молодой мичман по фамилии Ермаков – в порыве откровенности признался Игорю, что вместе со своими матросами уже ошалел от безделья. От него Игорь узнал, что единственный проток, соединяющий Мертвое озеро со впадающей в Байкал судоходной рекой, сам становится судоходным только в период весеннего половодья, а в остальное время сильно мелеет. По этой причине баржу, доставившую на базу большую часть строительных материалов для военного городка, не отбуксировали обратно, а оставили на озере в качестве учебной цели для тренировок боевых пловцов. Оценив дальновидность командования, Игорь попрощался со словоохотливым мичманом, пообещав, что в скором времени у него и его матросов будет много работы.

Получив на следующий день гидрокостюм, ласты, маску,

подводный фонарь и дыхательный аппарат, он отправился обследовать акваторию водного полигона. Дно круто уходило вниз, стоило немного отплыть от берега. Но больше всего Игоря поразила невероятная, просто фантастическая прозрачность воды. Ему уже приходилось слышать об удивительной чистоте Байкала и других сибирских озер, но то, что на двадцатиметровой глубине на дне будет отчетливо различим каждый камешек, Игорь никак не ожидал. Правда, кроме камней, рассматривать там было нечего. Ни донных моллюсков, ни стаек мелких рыбешек, ни более крупных рыб, притаившихся между камнями, он так и не заметил. К тому же его интересовали совсем другие вещи. В ста метрах от берега начиналась линия заградительных сетей, установленных на озере для тренировок водолазов-разведчиков. Их было две: мелкаячеистая противодиверсионная и в двадцати метрах за ней крупноячеистая противолодочная, сплетенная из толстых стальных канатов. Каждая сеть удерживалась на поверхности рядом специальных поплавков и крепилась ко дну донными якорями. Обе сети были абсолютно новыми, даже не успели обрасти водорослями. Тем не менее Игорь самым внимательным образом осмотрел их сверху донизу, но ни на одной не обнаружил никаких повреждений. О чем в тот же день доложил Щербак.

Щербак молча принял его доклад к сведению, но, когда Игорь уже повернулся к двери, остановил его:

– Завтра к нам прибывает первая группа курсантов: четве-

ро водолазов с Тихоокеанского МРП.³ С утра с ними встретится Захаров. Проведет политбеседу, познакомит с частью. А после обеда приступайте к занятиям вы. По итогам всего курса подготовки тех, кто покажет лучшие результаты, будем рекомендовать для зачисления в отряд «Дельфин». Вам все ясно?

– Так точно.

– Тогда идите, готовьтесь.

– Есть! – коротко ответил Игорь.

2

Курсанты, одетые по форме для физподготовки: голый торс, широкие холщовые брюки, заправленные в высокие шнурованные ботинки, ждали возле казармы. Трое сидели, развалившись, на установленной возле входа скамейке, четвертый – щуплый паренек невысокого роста, которому не нашлось места на скамье, скромно стоял рядом.

– Становись! – громко скомандовал Игорь, подходя ближе.

Курсанты дружно повернули головы в его сторону, после чего неторопливо построились в шеренгу. Они уже встречались с командиром части, побывали на политбеседе у Захарова, даже выслушали короткое напутствие Щербака, в об-

³ МРП – морской разведывательный пункт.

щих словах рассказавшего о плане боевой подготовки, и вот теперь знакомились со своим инструктором.

Остановившись перед строем, Игорь окинул цепким взглядом четверку водолазов-разведчиков, которым по окончании курса подготовки предстояло продолжить службу в отряде «Дельфин» или вернуться в свою прежнюю часть.

– Я старший инструктор по боевой подготовке, старший лейтенант Мамаев. Боевой псевдоним Мамай. – Игорь задорно улыбнулся, но уже через секунду вновь стал серьезным, давая понять, что шутки закончились. – Те знания и навыки, которые вы получите в ходе наших занятий, помогут вам в будущем выполнить даже ту боевую задачу, которая на первый взгляд кажется невыполнимой, а выполнив ее, остаться в живых. Последнее гораздо труднее. Потому что на розыск и уничтожение осуществившей диверсию разведгруппы противник бросает все силы и средства своего карательного аппарата.

Трое из четырех курсантов внимательно слушали его слова, и только крепистый крепыш на правом фланге кривил в усмешке пухлые губы.

– Тому, как сражаться и побеждать в таких условиях, мы с вами и будем учиться, – закончил Игорь, взглянув в лицо правофланговому.

Крепыш был немногим младше его. Явно сверхсрочник. Неудивительно, что он считал себя гораздо опытнее своих товарищей, а то и самого инструктора. Он не смутился, не

отвел глаз и даже с каким-то вызовом ответил:

– Да мы уж не первый год служим. Кое-чему научились.

На его левой руке, чуть выше запястья, был вытатуирован водолазный шлем. Это тоже являлось своеобразным вызовом, так как водолаз-разведчик не должен иметь бросающихся в глаза отличительных примет. Уже одна эта татуировка закрывала крепышу дорогу в отряд «Дельфин».

– Представьтесь, товарищ курсант.

– Главный корабельный старшина Герасимов, – лениво ответил тот.

– Сейчас покажете, чему вы научились. Занятие первое: рукопашный бой. Тема занятия: отражение внезапного нападения, – объявил Игорь и, обращаясь к правофланговому, скомандовал: – Старшина Герасимов, выйти из строя. Атакуйте меня.

Пару секунд крепыш раздумывал, потом поднял перед собой руки и, мягко ступая по песку, двинулся вперед, примеряясь к фигуре своего противника. Игорь не пошевелился, продолжая стоять в прежней позе. Его бездействие привело Герасимова в недоумение, он остановился. В тот же миг Игорь рванулся ему навстречу, одним прыжком преодолел оставшееся расстояние и снизу ударил кулаком в живот. Завершающая движение рука угодила локтем старшине в подбородок. Герасимов, как подкошенный, опрокинулся на спину и остался лежать, раскинув крестом руки. Трое замерших в строю курсантов ошалело уставились на распростертое на

песке тело. Наибольшее впечатление на них произвела даже не сама победа инструктора, а стремительный финал скоротечной схватки.

– Вот так выполняется этот прием, – объявил Игорь, вернувшись на прежнее место.

Курсанты подняли на него глаза, и запомнившийся Игорю низкорослый паренек, стоящий в шеренге последним, указал на неподвижно лежащего старшину и испуганно спросил:

– А что с ним, товарищ старший лейтенант?

– Нокаут, – пояснил Игорь. – Сейчас придет в себя.

Однако Герасимов лежал неподвижно, опровергая это утверждение. Игорь забеспокоился.

– Ваша фамилия, товарищ курсант.

– Старший матрос Коротков, – тонким голосом отозвался паренек.

– Курсант Коротков, отправляйтесь в санчасть и приглашайте врача.

Но врач не понадобился. Не успел Игорь отдать приказание, как Герасимов зашевелился, потом сел на песке и замотал головой.

– Как самочувствие? Медпомощь не нужна? – на всякий случай спросил у него Игорь.

– Никак нет, – хрипло ответил тот.

– Вам все ясно?

– Так точно. Разрешите встать в строй?

Игорь кивнул:

– Становитесь.

Дождавшись, когда старшина займет свое место в строю, он продолжил:

– Кроме того, что вы сейчас видели, мы с вами изучим приемы защиты и нападения с холодным и огнестрельным оружием. Отработаем тактику боя с одним и несколькими противниками на открытой местности, в ограниченном пространстве замкнутого помещения и под водой. Кто хочет учиться, два шага вперед!

Не сговариваясь, все четверо курсантов дружно шагнули вперед.

Игорь улыбнулся.

– Сейчас у нас кросс. Дистанция: до конца полигона и обратно. Кто меня обгонит, получит благодарность с занесением в личное дело. Нале-во! За мной, бегом марш!

До знакомства с курсантами Игорь собирался устроить десятикилометровый марш-бросок по берегу озера, но сейчас передумал, решив, что сначала сам исследует берег. Сорвавшись с места, он бросился в сторону берегового полигона. Сзади донесся частый топот четырех пар спецназовских ботинок – курсанты старательно бежали следом.

3

Работы действительно оказалось много. Очень много. Зоя даже не ожидала. В чем в чем, а в этом Петровский ничуть не

погрешил против истины, когда приглашал ее в экспедицию. Спустя неделю Зоя с тоской вспоминала дни, проведенные в Озерском, где они жили в доме одинокой женщины, которая охотно приютила у себя четверых ученых из Ленинграда. Работали точно так же, с утра до вечера. Но работа работе рознь. После завтрака дружно отправлялись к одному из трех расположенных рядом озер, давших название выросшему рядом поселку. Там Виктор проверял оставленные с ночи ловушки, но чаще, натянув ласты, маску и прихватив свое подводное ружье, отправлялся на охоту за, как он выражался, «научными трофеями». Эти трофеи очень разнообразили стол участников экспедиции. Вот только Зоя, которой приходилось чистить всю выловленную Виктором рыбу, за исключением тех экземпляров, которых отбирал для коллекции Петровский, сама насквозь пропиталась рыбным духом. Пару раз она пыталась привлечь себе в помощницы Маринку. Но после того как та, вычищая внутренности из распоротого брюха очередного подстреленного Виктором окуня, порезала себе палец и подняла такой крик, будто этот окунь напал на нее, Зоя оставила ее в покое. В итоге обязанности членов экспедиции распределились следующим образом: Виктор нырял за рыбой или собирал в сачок донных моллюсков, Петровский изучал улов, Зоя готовила обед и ассистировала профессору, когда он этого требовал, а Маринка в основном загорала и купалась, делая вид, что помогает Виктору. Но Зоя на нее за это не обижалась. Помощь Пет-

ровскому требовалась нечасто, а готовить нужно было только обед, так как завтракали и ужинали они в поселке, поэтому Зое вполне хватало времени, чтобы самой искупаться и позагорать.

Один раз вместе с Маринкой и Виктором она даже выбралась на танцы в поселковый клуб – Маринка откуда-то узнала, что по субботам и воскресеньям там устраивают танцы. Но ничего хорошего из этой затеи не вышло. Маринка, скорее по привычке, чем целенаправленно, стала строить глазки сельским парням. Ну и, конечно, вскоре между парнями вспыхнула драка. И еще неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы Виктор не разнял дерущихся. Пришлось спешно уносить из клуба ноги. Между прочим, к счастью для Маринки, потому что еще немного – и подружки подравшихся из-за нее парней устроили бы ей темную. Но, как говорится, нет худа без добра. Уже на следующий день нашлись и лошадь, и подвода, и проводник до Мертвого озера. А до этого, сколько Петровский ни уговаривал председателя сельсовета отвезти их на Мертвое озеро, про которое местные жители говорили с неохотой и даже с какой-то опаской, тот постоянно отказывал под каким-нибудь благовидным предлогом. Но на следующий день председателю, видимо, донесли о причине вспыхнувшей в клубе драки, и он поспешил спровадить нарушителей спокойствия из поселка куда подальше.

Выехали после обеда, а до озера добрались только к вечеру. Малоразговорчивый возница Кузьмич или Митрич (Зоя

так толком и не поняла, как его зовут) помог сгрузить с телеги палатки и снаряжение и сразу же уехал, несмотря на то, что близилась ночь. Константин Львович предлагал ему переночевать в лагере, но возница наотрез отказался. Вскочил на телегу, стегнул вожжами лошадь – только его и видели. Зоя решила, что он просто боится ночевать на берегу озера, которое почему-то пользовалось у местных дурной славой. Петровский, видимо, придерживался того же мнения, потому что после отъезда Кузьмича заметил с усмешкой:

– Все-таки насколько сильны у местных жителей различные предрассудки.

По правде сказать, место действительно было мало приятное. С одной стороны темнела вода, с другой – еще более темной стеной поднимался лес. Но когда поставили палатки, развели костер и поужинали – на скорую руку Зоя сварила куриную тушенку с гречневой кашей, сразу стало веселее. Наутро уже никто и не вспоминал вчерашние страхи. Окружающая тайга была величественно красива. Сочная и невероятно густая трава, тонкие березки и молодые елочки на опушке сменяли могучие лиственницы с непривычно мягкой хвоей. Зое они чем-то напомнили Виктора. Такого же большого, сильного и добродушного. Вообще в экспедиции Виктор открылся с лучшей стороны. В университете Зоя считала его обычным подхалимом Петровского, а он оказался нормальным парнем, который может и палатку поставить, и рыбы наловить, и анекдот при случае рассказать. Правда,

иногда у Виктора нет-нет да и проскальзывало высокомерие. Но, с другой стороны, как должен относиться научный сотрудник университета к обыкновенным аспиранткам? А если уж откровенно, то Зоя больше думала не о Викторе, а об офицере, с которым они вместе ехали от станции до Озерского, – Игоре. Почему-то та короткая встреча и еще более короткий разговор на станции врезались ей в память. Поэтому даже хорошо, что подолгу предаваться воспоминаниям не было времени. Иначе бы Зоя совсем загрустила. А за работой – приготовлением пищи, ежедневным мытьем и кипячением лабораторной посуды и ассистированием Петровскому при проведении химических опытов – грустить и скучать было некогда.

Сполоснув последнюю пробирку, Зоя убрала ее в автоклав к остальным. Теперь только прокипятить и...

– Зоя?!

Она вскинула голову и обомлела. Перед ней на берегу стоял Игорь. Невероятно! Прямо как в сказке!

– Игорь! Откуда вы?

– Я? – переспросил он. Видимо, тоже растерялся от неожиданности. – Служу здесь... неподалеку. Но вы-то как сюда попали?!

– А мы исследования проводим. У нас здесь лагерь. – Зоя махнула рукой в сторону поставленных на берегу палаток. – Мы уже четвертый день здесь.

– Четвертый день? Надо же! А я вот только сегодня решил

прогуляться по берегу и наткнулся на вас.

Игорь подошел ближе, и Зоя наконец заметила, что он часто дышит, а его лоб покрывают мелкие капли пота.

– Долго же вы шли. – Зоя провела прохладной рукой по лбу Игоря и сама испугалась своей смелости. Как он на это отреагирует?

Но Игорь только улыбнулся и сказал:

– Совсем нет. Всего каких-нибудь сорок минут легким бегом.

Он и одет был как-то слишком легко для позднего вечера: в пятнистые, видимо, армейские брюки, кеды и матросскую майку-тельняшку без рукавов. Его вздымающаяся от частого дыхания грудь, плечи и голые руки бугрились тугими мышцами. Как странно, во время их первой встречи Зоя совсем не обратила внимания на телосложение Игоря. А ведь он сложен, как... как древнегреческий Аполлон, скульптура которого стоит в Эрмитаже.

– А я часто вас вспоминала, – неожиданно для себя призналась она.

– Правда? – Улыбка Игоря стала еще шире. Похоже, он действительно обрадовался их встрече.

Зоя захотела сказать ему что-нибудь приятное, но не успела. Со стороны лагеря послышался шелест ветвей, и на опушку вышли Виктор и Марина, ходившие в лес за хворостом для костра. Виктор тащил за собой целых два сваленных ветром молодых дерева, а Маринка несла в руках ка-

кой-то сухой сучок, больше похожий на старушечью клюку.

– О! Да у нас гости! – сразу завопила Маринка. – Игорь, как вы нас нашли?

– Совершенно случайно, – ответил он, повернувшись к ней.

На звук голосов из своей палатки, превращенной в химическую лабораторию, выглянул Петровский. Зоя только вздохнула. Видимо, ей не судьба остаться с Игорем наедине.

– А, это вы, молодой человек! – воскликнул Константин Львович, выбираясь из палатки. – Простите, забыл ваше имя?

– Игорь Мамаев.

– Да-да, у вас такая редкая фамилия, – покивал головой Петровский. – Так какими судьбами?

– Оказывается, мы с вами соседи. Моя часть находится неподалеку.

– Да? – удивился Петровский. – А мы с коллегами решили, что здесь совершенно глухие места. Но через год-два, уверяю вас, Игорь, здесь все изменится. Вы спросите: почему?

Игорь из вежливости кивнул, но Петровский не обратил на это внимания. Заполучив нового слушателя, он готовился изложить ему свои идеи.

– По причине сделанного нами сенсационного открытия!

– Константин Львович, нашему гостю все это неинтересно, – попробовала заступиться за Игоря Маринка. Но Петровский только отмахнулся:

– Это вам, Чашина, ничего не интересно! Так вот, Игорь, представьте себе, мы с вами стоим на берегу самого чистого озера на Земле! – торжественно объявил он.

Игорь взглянул на Петровского так, как два дня назад смотрела на профессора Зоя, когда он объявил ей о своем открытии. Петровский как будто прочитал его мысли.

– Вы, наверное, подумали, что университетский профессор выжил из ума. Так вот: нет, нет и еще раз нет... Зоя, дайте мензурку. – Мерным стаканом он зачерпнул воду из озера и показал Игорю. – Эта вода, я почти на сто процентов уверен в своих словах, не уступает по чистоте дистиллированной! Да-да, я провел уже десяток опытов, израсходовав почти весь наш запас реактивов, и могу со всей ответственностью утверждать: в этой воде нет никаких микроорганизмов! Ни амеб, ни инфузорий, ни сине-зеленых водорослей, которые присутствуют даже в воде, которая бежит у вас из-под крана. Да что водоросли?! Здесь нет даже бактерий, которые можно обнаружить повсюду. Это практически чистейший дистиллят с небольшой примесью минеральных солей, хотя я, убей бог, не понимаю, как он образовался и за счет чего поддерживается в первозданном состоянии. Но обещаю вам, что я это выясню. Мы с вами на пороге величайшего научного открытия. Впервые за всю историю геологической науки обнаружен природный водоем с чистейшей минеральной водой! Не ключ, не родник, а целое озеро! Вы только представьте: здесь, в Сибири, находится самый большой ис-

точник минеральной воды на планете! Невероятно, но это так! Теперь я понимаю, откуда взялись легенды о мертвой воде. Вот она! – Петровский широким жестом указал на раскинувшееся рядом озеро. – Вода, в которой нет жизни!

Игорь, кажется, по-прежнему не доверял его словам. В это действительно было трудно поверить. Зоя сама пребывала в сомнениях до завершения серии последних опытов.

– Ну, что вы на это скажете? – От нетерпения Петровский даже схватил Игоря за руку.

Тот пожал плечами.

– Но как такое возможно?

– Вот это действительно загадка! В пробах воды, которые мы взяли из озера, со временем завелись бактерии. И это нормально. Но почему такого не происходит в самом озере, я понять не могу. – Петровский развел руками. – Сначала подумал про ядовитые примеси, растворенные в воде, которые убивают всю микрофлору, но ничего такого здесь нет! Мы с Виктором провели серию тестов, но никаких ядов не обнаружили. Только минеральные соли и другие микроэлементы, концентрация которых абсолютно в пределах нормы. Это чистейшая питьевая вода. Вот попробуйте. – Петровский протянул Игорю наполненную мензурку и, когда тот отказался, выпил воду сам. – Правда, на пятидесятиметровой глубине температура воды на полградуса выше, чем должна быть. Но такое отклонение не может влиять на развитие жизненных форм. Виктор высказал оригинальную идею о протекающих

в глубине озера электрохимических реакциях. Действительно, существует способ очистки воды с помощью электрических разрядов. Но откуда на дне озера взяться электроразрядной установке, да еще такой мощности?

— Константин Львович, может, поужинаем? — вмешался в разговор Виктор. — А то, честно говоря, уже желудок сводит. Мы с Мариной уже и хворост собрали.

Зоя оглянулась на две здоровенные валежины, притащенные Виктором из леса, и кривой сучок Маринки, который она небрежно бросила рядом.

— Да, поужинаете с нами! — обрадовался Петровский.

— Вообще-то я уже ужинал, — ответил Игорь, однако, перехватив умоляющий взгляд Зои, добавил: — Но с удовольствием составлю вам компанию.

На ужин Зоя приготовила копченую рыбу — это было быстрее всего, так как готовую рыбу нужно было только разогреть, а на десерт, с разрешения Петровского, открыла банку сгущенного молока. Сгущенка считалась своеобразным НЗ, в магазинах ее было не достать, но, желая угостить нежданного гостя, Константин Львович расщедрился. Попутно в большом, трехлитровом термосе заварили чай. Почему-то Петровский требовал, чтобы чай заваривали именно в термосе, а не в котелке, хотя Зоя не видела особой разницы.

Когда рыба разогрелась до нужной степени и из выпотрошенных тушек на угли стал капать жир, Зоя объявила, что ужин готов. Маринка, чтобы произвести впечатление на Иго-

ря, помыла в озере зелень и самостоятельно нарезала овощи, которые к жирной рыбе пришлись очень кстати. Наконец все уселись вокруг костра, но разговор вначале не клеился. Все здорово проголодались, и слышалось только приглушенное чавканье да хруст разламываемых рыбьих костей. Зое даже стало смешно. Нарушил молчание Игорь. Отщипнув кусочек прокопченного до золотистой корочки хариуса, он одобритительно покачал головой.

– Отличная рыба. Здесь ловили?

– Если бы, – разочарованно вздохнул Виктор.

А Константин Львович взглянул на Игоря, как на попавшего со шпаргалкой во время экзамена студента.

– Молодой человек, я же вам только что объяснил, что в озере нет микрофлоры. А значит, и ни зоо-, ни фитопланктона, ни мальков, ни водорослей, ни насекомых, ни амфибий, ни раков, ни рыбы. Это абсолютно стерильный водоем, где биологические пищевые цепочки совершенно отсутствуют. Обратите внимание: уже вечер, а вокруг нас нет комаров. Потому что им негде размножаться.

– А меня всю искушали, – капризно заявила Маринка и указала на свою шею с двумя красными точками комариных укусов.

Это заявление всех рассмешило. Даже строгий Петровский не смог сдержать улыбки.

– Мариночка, где же вы их нашли? Наверное, специально по лесу за ними гонялись.

Теперь уже все, включая Маринку, приснули от смеха.

4

В разгар ужина, когда вокруг окончательно стемнело и на лицах сидящих вокруг костра людей заплясали красноватые блики, Виктор, пошептавшись с профессором, принес из палатки фляжку спирта. Игорь, хотя и не являлся любителем спиртного, тем более что пример Щербака все время был перед глазами, не стал отказываться, чтобы не обидеть новых знакомых. Марина так и вовсе весело захлопала в ладоши, когда Виктор стал разливать спирт по жестяным кружкам.

– Давайте выпьем за нашу неожиданную встречу, – предложила Зоя первый тост, неловко подняв кружку с разбавленным водой спиртом. – За то, чтобы все неожиданности, которые нам встретятся в жизни, тоже были счастливыми.

– Сначала надо выпить за ваше открытие, – поправил Зою Игорь, заметив обиженный взгляд Петровского, и тут же пожалел об этом, когда Зоя виновато потупилась.

Чтобы как-то реабилитироваться в ее глазах, следующий тост Игорь провозгласил за присутствующих прекрасных девушек.

– Наконец-то появился хотя бы один настоящий мужчина, который обратил на нас внимание! – воскликнула Марина. – Игорь, где вы были раньше? Нам с Зоей вас так не хватало. Петровский в ответ укоризненно покачал головой.

– Я всегда говорил, что женщинам нечего делать в науке. Их же ничего, кроме самих себя, не интересует.

Игорь с Виктором улыбнулись. Зоя смущенно вздохнула. А Марина заметила с укором:

– Ах, Константин Львович, не цените вы нас.

Оказалось, что профессор так шутит. Все-таки чувство юмора у него было своеобразным. Наверное, поэтому после четвертого тоста Марина стала настойчиво требовать от Игоря рассказать какой-нибудь армейский анекдот или пикантный случай из армейской жизни. Он поначалу отнекивался, но в конце концов сдался, убедившись на собственном примере, что захмелевшая женщина достанет кого угодно. Игорь никогда не считал себя хорошим рассказчиком, но Марина так смеялась, что в конце концов упала к нему на колени. В отличие от нее, Виктор и Зоя лишь слегка улыбнулись: Зоя из вежливости, а Виктор снисходительно. Петровский же, как показалось Игорю, даже не понял, в чем соль анекдота. Вскоре профессор и вовсе объявил, что идет спать.

Игорь тоже поднялся.

– Спасибо за ужин. Мне уже пора.

Мужчины пожали друг другу руки.

– Но вы еще к нам придете? – спросила Марина, глядя с земли на Игоря шалыми глазами.

– При случае загляну, – неопределенно ответил он.

А когда зашагал прочь, услышал за спиной быстрые и легкие шаги.

– Можно, я вас провожу? Хотя бы чуть-чуть, – робко спросила Зоя, догнав его.

Игорь оглянулся. У догорающего костра остались только Виктор и Марина, о чем-то переговаривающиеся между собой. В их сторону они не смотрели. Убедившись в этом, Игорь обнял Зою за талию и притянул к себе. Она вздрогнула и что-то прошептала, или это ему только послышалось, потом мягко, но настойчиво освободилась. Он не препятствовал ей, пожалев о своей несдержанности, уверенный, что Зоя сейчас уйдет. Но она не ушла, а взяла его за руку и пошла рядом. Так они и шли, держась за руки, как дети, потому что обнявшись или под руку идти по берегу было слишком опасно. Можно было налететь на не замеченную в темноте корягу или провалиться ногой в попавшуюся на пути яму. Когда палатки и разведенный возле них костер скрылись за деревьями, Зоя остановилась. Пустынный берег освещали только луна и сияющие с неба звезды.

– Знаете, Игорь, что бы Константин Львович ни говорил про это озеро, но по ночам здесь бывает довольно страшно. Я даже из палатки выходить боюсь. Как представлю, что вокруг только лес, темная вода и тишина...

Она на несколько секунд замолчала, потом спросила шепотом:

– Слышите?

Игорь прислушался.

– Что?

– Шелест волн. Как будто крадется кто-то и скребет когтями по песку.

– Вы фантазерка, Зоя, – улыбнулся Игорь. Она вдруг вспомнила ему героев рассказа Носова «Фантазеры», который Игорь любил перечитывать в детстве.

– Когда бежишь или идешь по песку, звук получается не скребущий, а чавкающий. Вот послушайте. – Он подошел ближе к воде и топнул ногой. – Слышали?

– Да, действительно. – Зоя тоже улыбнулась. – А я как-то раньше никогда не обращала внимания на звуки шагов.

– И напрасно. Вы же зоолог. Вдруг вам придется выслеживать какого-нибудь редкого, а то и вовсе неизвестного науке зверя. И знаете, что я вам скажу. Чтобы окончательно прогнать все страхи, давайте искупаемся. Прямо сейчас.

– Здесь? – растерялась Зоя.

– А чем вам не нравится место?

– Да нет, место хорошее... – Зоя опустила глаза. – Просто я не захватила купальник.

Она не отказалась, не обратила его слова в шутку, лишь молча стояла и ждала, что он будет делать. Игорь шагнул к ней, точно зная, чего он хочет. Снял с плеч Зои наброшенную курточку от ее стройотрядовского костюма, потом просунул руку под футболку. Его пальцы, коснувшиеся гладкой и нежной кожи, подействовали на Зою, как чека, выдернутая из запала гранаты. Она как будто только и ждала его прикосновения и, когда это случилось, сама ринулась Игорю на-

встречу.

Ее футболка и бюстгальтер полетели на песок. За ними последовала майка Игоря. В следующую секунду они оказались в объятиях друг друга. Игорь гладил и целовал небольшие, но упругие груди с призывно торчащими сосками, ласкал гибкое девичье тело, которое извивалось в его руках. Сбросив последнюю одежду, они упали на прохладный песок. Сквозь затуманенное желанием сознание Игоря прорвалась запоздалая мысль о том, что Зое, наверное, неприятно лежать на холодной земле. Он даже хотел предложить ей сменить позу, но она ловко и стремительно обхватила ногами его поясницу и прижала к своему пышущему жаром лону. И он сразу попал туда, куда стремился, ворвавшись в распростертое под ним женское тело. Внутренний жар согревал их переплетающиеся тела, и ни ночная прохлада, ни сыпучий песок не могли охладить их пыл. Игорь вообще не замечал ничего, кроме принадлежащей ему женщины. Окружающий мир отступил куда-то на границы Вселенной, и в образовавшейся пустоте они отдались сжигающей их ненасытной страсти. Дойдя до предела человеческих возможностей, эта страсть вырвалась наружу. Игорь издал протяжный стон, а Зоя забилась в конвульсиях. Какое-то время они сжимали друг друга в объятиях. Потом Игорь ослабил хватку и тихо прошептал в нежное розовое ушко с маленькой сережкой-гвоздиком:

– Я люблю тебя.

– Я тоже тебя люблю, – также шепотом ответила Зоя. – Я поняла это сразу, как только увидела тебя тогда, на станции.

– Мы должны быть вместе.

Она улыбнулась.

– Не станем загадывать на будущее. Ведь мы сейчас рядом и любим друг друга. Это и есть настоящее счастье. Счастье всегда мимолетно. Так зачем разрушать его мыслями о том, что будет когда-то?

– По-твоему, важно только то, что происходит сейчас? – уточнил Игорь.

Зоя кивнула.

– Ну, конечно.

– И что мы сейчас будем делать?

– Надо подумать.

– Я уже подумал. – Игорь пружинисто поднялся с песка. – Купаться!

Он подхватил Зою на руки и вместе с ней бросился в воду. Разлетающиеся брызги упали на разгоряченное тело девушки. Зоя испуганно взвизгнула и еще теснее прижалась к нему.

5

Об открытии экспедиции профессора Петровского Игорь рассказал Захарову – все-таки замполит просил его бороться со слухами о губительности воды Мертвого озера. Вопре-

ки ожиданию, Захаров отнесся к его словам без особого восторга.

– Вы уже делились с кем-нибудь этой информацией? – спросил он после довольно долгого молчания.

– Нет, – честно ответил Игорь.

– Правильно! – обрадовался замполит. – Вот и не надо никому говорить. Исследования ученых еще нужно проверить. И потом, что это за исследования? Ведь причину того, что происходит с водой в озере, они не установили.

– Не установили.

Захаров снова задумался.

– То есть, как я понял из ваших слов, достоверно биологи выяснили только то, что вода в озере абсолютно чиста и в ней можно не только плавать, но и пить без всякого вреда для здоровья. Вот этот факт имеет смысл довести до сведения личного состава. А про все остальное лучше не говорить. Во всяком случае, пока не будет выяснена причина этой биологической аномалии. Вы со мной согласны?

Еще минуту назад Игорь собирался поступить как раз наоборот и рассказать о встрече с ленинградскими учеными и о том, что узнал от них, своему новому товарищу военврачу Татаринovu. В последнее время они крепко сдружились. Причин тому было несколько. Во-первых, Игорь всегда ценил в людях профессионализм, а капитан третьего ранга Татаринov, безусловно, был настоящим профессионалом. Во-вторых, он мало походил на других офицеров части, с кото-

рыми держался независимо и даже несколько обособленно. Поэтому внимание военврача и демонстрируемая им расположенность льстили самолюбию Игоря. Несмотря на независимый характер Татарина, командование части его ценило. Один тот факт, что военврач, не будучи женатым, жил не в общежитии, а в отдельной квартире в одном из блочных домов, уже говорил о многом. На следующий год Татарин собирался поступать в военную аспирантуру и ничуть этого не скрывал. Он уже выбрал тему для кандидатской диссертации и активно собирал для нее материал. В своем кабинете и дома, в книжном шкафу, Татарин хранил множество папок со своими записями. Кроме того, он много читал, причем не только специальную медицинскую, но и художественную литературу, отдавая предпочтение научной фантастике. И, наконец, Татарин обладал острым умом, и с ним всегда было интересно поговорить. Правда, в разговорах с ним Игорь обычно довольствовался ролью слушателя, но информация профессора Петровского об уникальности воды Мертвого озера могла изменить это положение.

Почему Захаров хочет скрыть от остальных суть открытия ленинградских ученых, Игорь так и не понял. Но, в конце концов, замполит мог руководствоваться какими-то неизвестными Игорю соображениями. Он неуверенно кивнул:

– Наверное.

– Вот и отлично! – оживился Захаров. – Тогда действуем, как договорились. Я доведу до личного состава сведения о

чистоте озерной воды, а вы никому не рассказывайте о своей встрече с учеными.

Игорь на секунду задумался. Ни о чем таком они не договаривались. Он отлично помнил весь разговор, но не напоминать же об этом Захарову. К тому же замполит просил его о сущем пустяке, о котором и спорить не стоит.

– Договорились, – ответил Игорь, пожимая протянутую замполитом руку.

6

Общезначительная подготовка, подводное ориентирование, рукопашный бой, управление подводными средствами движения, подводный бой с холодным оружием, теория минно-подрывного дела – по двенадцать часов изо дня в день с небольшими перерывами для приема пищи Игорь вел занятия с курсантами. Зоя тоже помогала своему профессору в его научных опытах, поэтому встречаться им удавалось только поздним вечером или даже ночью, когда в курсантской казарме уже объявлялся отбой. Каждая новая встреча все сильнее разжигала у Игоря огонь любви. Ему хотелось разговаривать с Зоей, целовать ей губы, ласкать ее тело, да просто стоять рядом, обняв за плечи и вдыхая запах ее пушистых волос. Он видел, что и Зоя испытывает к нему те же чувства, поэтому старался не упускать ни одной возможности увидеться с ней. В части думали, что он каждый вечер, по-

сле ужина, совершает пробежку по берегу. Собственно, так и было. К лагерю участников экспедиции Игорь летел как на крыльях, сократив время девятикилометрового марш–броска с сорока до тридцати минут. Чтобы не смущать Зоиных коллег его частыми визитами, они встречались тайком на небольшой укромной полянке, которую нашел Игорь в стороне от палаточного лагеря. В первый же день он соорудил из срубленных веток уютный шалаш, а на следующий вечер застелил дно шалаша принесенной с собой плащ-палаткой. Здесь, в шалаше, на расстеленной поверх лапника плащ-палатке, они и предавались дикому и прекрасному танцу любви. В этом танце скромная и даже стеснительная Зоя раскрывалась подобно райскому цветку, заставляя Игоря забывать обо всем. Из-за чего они в результате и попали впросак.

Опустошенный до предела, но бесконечно счастливый Игорь лежал рядом с раскинувшейся на плащ–палатке и тяжело дышащей Зоей. Давно пора было возвращаться в часть, да и Зое следовало вернуться в лагерь, но Игорь все оттягивал момент расставания. Однако дальше тянуть было уже нельзя, иначе коллеги Зои могли забить тревогу. Перекатившись на бок, Игорь осторожно выглянул наружу и чуть не остолбенел. Напротив входа, в нескольких шагах от шалаша, на корточках сидел человек. Даже не человек, а человечек – сухой, морщинистый старичок с заплетенными в косы длинными черными волосами, в странном, похожем на подшитое мехом платье, одеянии. Во рту он держал вырезанную из

оленьего рога трубку с длинным и узким чубуком.

– Кто вы? – испуганно спросил Игорь, одновременно пытаясь нащупать рукой сброшенные впопыхах штаны.

Старик не ответил. Вместо этого вынул изо рта трубку, указал ею на шалаш и одобрительно кивнул.

– Хорошо, – потом показал в сторону озера и добавил: – Плохо. Очень плохо.

Его и без того морщинистое лицо сморщилось еще сильнее, превратившись в настоящий ком мятой бумаги. Беззубый рот искривился в безмолвном вопле. К тому же высокий и тонкий голос старика совсем не походил на стариковский. Скорее так мог разговаривать ребенок. От всего этого Игорю стало по-настоящему жутко. Зоя тоже испугалась. Забившись в угол и прикрыв плащ-палаткой свою наготу, она испуганно спросила:

– Игорь, кто здесь?!

– Уходить, – произнес старик своим детским голоском.

– Мы сейчас уйдем, – быстро ответил Игорь. Ему все-таки удалось нащупать свои штаны, но как начать одеваться при старике, он совершенно не представлял.

Старик наконец поднялся на ноги. Он оказался совсем невысок – метр шестьдесят, не более. Отороченное мехом широкое платье совершенно скрывало его фигуру. Игорь разглядел только мягкие чулки или сапожки, сшитые из звериных шкур, да качнувшийся на шее старика причудливый амулет.

– Уходить, – повторил старик и обвел трубкой лес. – Все уходить. – Потом хмуро взглянул в сторону озера, сплюнул на землю и уже совсем другим, похожим на журавлиное курлыканье голосом произнес длинную фразу на незнакомом языке.

– Что вы сказали?

Старик повернулся к нему и произнес только одно слово:

– Смерть.

Зоя в углу шалаша испуганно вскрикнула. Игорь нагнулся к ней, чтобы успокоить, а когда посмотрел назад, старика на поляне уже не было.

Зоя вцепилась ему в руку.

– Игорь, кто это был?

Он пожал плечами.

– Не знаю... Может быть, местный шаман, про которого мне рассказывали в части.

– Шаман? – переспросила Зоя. – Жители в Озерском тоже говорили про какого-то шамана. Что он живет в лесу и общается с духами... А что он хотел?

– Чтобы мы ушли.

– Да я и сама здесь больше не останусь ни на секунду! Где моя одежда?

Вид одевающейся Зои несколько смягчил впечатление от внезапного появления таежного жителя. Но и вернувшись в часть, Игорь еще долго размышлял, что может означать этот странный визит.

На следующий день он решил не ходить к Зое, чтобы дать ей время успокоиться. Но потом подумал, каково будет ей, если она все-таки придет на поляну и станет ждать там его в темноте, в глухом лесу совсем одна. А что, если опять явится вчерашний шаман? Нет! Ни в коем случае нельзя оставлять ее наедине с жутким стариком. Решено! Как бы там ни было: захочет Зоя прийти на свидание или нет, он будет ждать ее на поляне. Заодно попытается разговорить шамана, если тот вновь вздумает явиться.

Распрощавшись до утра с курсантами, Игорь перед ужином отправился к Щербaku, чтобы утвердить у начбоя план завтрашних занятий. Обычно Щербак молча прочитывал его план-конспект, после чего ставил внизу свою размашистую подпись. Но на этот раз формальная процедура была нарушена. Оторвавшись от составленного Игорем документа, кавторанг поднял на него хмурый взгляд.

– Вы собираетесь проводить тренировку с боевой донной миной?

Игорь не почувствовал подвоха.

– Конечно.

Щербак еще сильнее нахмурился.

– Может, вы ее еще и взорвете?

– Никак нет, товарищ капитан второго ранга. На первом этапе практических занятий отрабатываем только установку и поиск мин в заданном районе, – с готовностью ответил Игорь.

План занятия был подробно изложен в представленном им конспекте, поэтому Игорь никак не мог понять, чем вызваны вопросы начальника.

– Ну, так и тренируйтесь с учебной миной.

Щербак взялся за авторучку, чтобы внести в план соответствующие исправления, но Игорь остановил его.

– Товарищ капитан второго ранга! Невозможно подготовить водолаза-минера, не давая ему изучить мины на практике. Только работа с настоящими боевыми минами, а не учебными муляжами вырабатывает у подрывника необходимую психофизическую закалку. Поэтому я настаиваю на проведении тренировки именно с боевой миной.

Чтобы возражать начальству, требуется большая смелость. Возможно, даже большая, чем при проведении подводных минно-взрывных работ. Во всяком случае, сам Щербак никогда не перечил своим командирам. Именно поэтому внезапный демарш Мамаева вызвал у него неприкрытую ярость.

– Молод еще меня учить, сопляк! – взревел начбой, вскочив со стула. Его и без того красное лицо стало пунцовым от притока крови. – Будешь командовать, когда на мое место сядешь! Только не видать тебе моего места! Щербак еще...

Он хотел что-то сказать, но не сумел. Горло начбоя перехватил спазм. Схватившись одной рукой за ворот форменной рубашки, Щербак тяжело оперся на стол и захрипел.

– Вам плохо?! – Игорь бросился к задыхающемуся началь-

нику.

Преодолев вялое сопротивление кавторанга, он снял с него галстук, расстегнул воротник рубашки и настежь растворил окно, открывая доступ в кабинет свежему воздуху. Щербаку стало немного лучше. Даже его пунцовое лицо, особенно испугавшее Игоря, стало чуть бледнее. Он самостоятельно опустился на стул, но говорить все еще не мог, лишь беззвучно шевелил посиневшими губами.

– Я сейчас, товарищ кавторанг! Только врача вызову! – Игорь выбежал в коридор и бросился к посту дежурного по части.

За пультом оповещения и связи в комнате дежурного сидел одинокий прапорщик. Увидев вылетевшего из коридора Игоря, он испуганно поднялся с места.

– Что случилось, товарищ лейтенант?

– У Щербака приступ! Срочно врача! И дайте что-нибудь от сердца: нитроглицерин, или что там у вас есть.

Нитроглицерина в комнате дежурного не нашлось. Пришлось ограничиться простой водой. Щербак медленно выцедил стакан, который поднес ему Игорь. Его дыхание постепенно приходило в норму, но выглядел начбой по-прежнему плохо. К счастью, в штабе появился военврач Татарinov. Видимо, он приехал из санчасти на машине, иначе бы никак не успел добраться оттуда за пару минут. Первым делом Татарinov пощупал Щербаку пульс, быстро поставил в вену какой-то укол, потом измерил давление, бесцеремонно

растегнул кавторангу рубашку, послушал сердце и констатировал:

– Налицо острый гипертонический криз. Нужна госпитализация.

– Это опасно? – спросил Игорь.

– Недельку-другую придется полежать, – глядя не на Игоря, а на Щербака, объявил Татаринов. – Покой и диета пойдут вам только на пользу.

– Какая еще диета? – невнятно пробурчал Щербак.

Но Татаринов отлично понял его, как и подтекст заданного вопроса.

– Строгая. – Он указал взглядом на стоящий в углу кабинета сейф, потом повернулся к Игорю: – Помогите мне.

Вдвоем они подняли Щербака на ноги и, поддерживая за руки, вывели из штаба к ожидающей внизу санитарной машине. На прощание Татаринов протянул Игорю руку.

– Ну, всё, бывай. И Добровольскому сообщи.

Он запрыгнул в открытую дверь «УАЗа», и санитарный фургон тут же уехал. Игорь проводил взглядом удаляющуюся машину и побрел обратно в штаб, мучительно размышляя, как сообщить Добровольскому о внезапной болезни его старого друга. Как бы там ни было, но приступ у Щербака случился после того, как он стал с ним спорить. И хотя Игорь чувствовал свою правоту в споре с начальником, то, что занятая им непримиримая позиция в конечном счете привела к гипертоническому кризу у Щербака, удручало его, вызы-

вая у Игоря внутреннее чувство вины.

Но оказалось, что командир части уже в курсе случившегося. Едва Игорь вошел в двери штаба, как Добровольский вышел из коридора ему навстречу.

— Мамаев, до выздоровления начальника вы назначаетесь исполняющим его обязанности! — бросил он на ходу, после чего повернулся к вытянувшемуся за стойкой дежурному прапорщику. — Я в санчасть к Щербаку. Если срочно понадобится, вызывайте через Татаринова.

Двери за командиром части захлопнулись. Постояв секунду, Игорь вынул смятый план-конспект завтрашнего занятия, который машинально сунул себе в карман. Похоже, виза начбоя ему уже не понадобится. До возвращения в строй Щербака ему принимать все решения по боевой подготовке. И именно ему нести за них ответственность.

7

Погода испортилась с самого утра. Еще с ночи внезапно похолодало, а утром поднялся ветер — верный признак приближающегося дождя. И хотя дождь пока не начался, все небо обложили низкие тучи, подтверждая, что это вопрос времени. Ветер гнал по озеру мелкие волны, часто бьющие в борт заглушившего двигателя водолазного бота. Надев водолазное снаряжение, за исключением ласт, которые пришлось нести в руке, Игорь вышел на палубу. Там двое матросов

возились со стрелой судового крана, пытаясь зацепить стропами похожий на торпеду двухместный транспортировщик «Сирена». Собственно, «Сирена» и была самой настоящей торпедой, выстреливаемой из торпедного аппарата подводной лодки, только вместо заряда взрывчатки она несла двух водолазов-разведчиков и контейнер с грузом весом до 460 килограммов. Игорь взглянул на хмурое небо, потом переглянулся с командиром бота, который от нечего делать высунулся из ходовой рубки и наблюдал за работой своих матросов.

Наконец на палубе появились натянувшие гидрокостюмы курсанты. Первым, как всегда, шел здоровяк Герасимов, щуплый Коротков замыкал цепочку. Игорь подошел к полученной утром на складе спецбоеприпасов и погруженной на борт со всей возможной осторожностью морской мины и жестом подозвал к себе курсантов.

– Перед вами неконтактная донная мина с двухканальным – гидроакустическим и магнитоэлектрическим – взрывателем, предназначенная для уничтожения надводных кораблей и подводных лодок противника в местах базирования и на переходе. Кто знает название?

– Мина донная трубная «МДТ-4», – живо отозвался Герасимов.

Игорь одобрительно кивнул.

– Все верно. Знакомы с ее устройством?

– Так точно.

– Изучали.

– Знакомы, – по очереди ответили курсанты. Только Коротков замешкался с ответом.

– При проведении диверсий минное оружие, без преувеличения, является самым эффективным, так как способно решать задачи оперативно-тактического, а в локальных морских конфликтах и стратегического характера, – продолжал Игорь. – Поэтому водолазы-разведчики должны владеть этим оружием в совершенстве. Цель сегодняшнего занятия – практическое освоение навыков обращения с донными минами на примере мины «МДТ-4». А именно – транспортировка мины к месту применения, установка на грунт, перевод из походного в боевое положение и обратно. Работаем двумя группами. Первая боевая пара: Коротков, Герасимов, вторая: Терещенко, Макаров.

Старшины Терещенко и Макаров подходили друг другу идеально. Одного роста и телосложения, с примерно одинаковыми физическими данными, они составляли надежную боевую пару, поэтому Игорь с самого начала решил, что поставит их вместе. Щуплый и подвижный Коротков, наоборот, совсем не походил на здоровяка Герасимова, но выбирать не приходилось.

– Задача первой пары: используя транспортировщик «Сирена», в подводном положении отбуксировать мину к берегу и, проникнув на территорию водного полигона, установить на грунт. Задача второй пары: обнаружить установленную на

дне полигона мину, снять ее с грунта и с помощью транспортировщика доставить обратно на судно обеспечения. Задача ясна?

– Так точно... Ясна. – На этот раз ответ оказался единодушным.

– Я буду наблюдать за вашими действиями. В конце занятия каждый получит оценку. – Игорь оглянулся на матросов, которые наконец подцепили к стреле крана подводный носитель боевых пловцов и теперь ждали дальнейших распоряжений. – Коротков, Герасимов, приступить к выполнению учебно-боевой задачи!

Курсанты перевалились через борт водолазного бота и ушли под воду. У Герасимова это получилось ровно, а вот Коротков не успел сложить на груди руки и поднял тучу брызг. Через несколько секунд их головы вновь показались на поверхности. По команде Игоря управляющий краном матрос поднял над палубой подцепленную стропами «Сирену», и его товарищи опустили транспортировщик за борт. Герасимов и Коротков приняли спущенную на воду «торпеду», ловко отцепили стропы, и «Сирена» закачалась на волнах. Теперь настала очередь донной мины. Матросы с опаской приблизились к ней. Это было настолько заметно, что Игорь счел нужным вмешаться:

– Макаров, Терещенко, помогите товарищам.

К грузовой платформе мины пристегнули стропы, сняли крепежные хомуты и вместе с платформой бережно опусти-

ли за борт, где ее так же аккуратно приняли ожидающие в воде курсанты. Коротков поймал заканчивающийся карабином минреп, подплыл к «Сирене» и зацепил карабин за кольцо в кормовой части транспортировщика. В следующую секунду он заметил, что тугой карабин не до конца обхватил кольцо, и дал отмашку Герасимову, чтобы тот пока не отцеплял стропы подъемного крана. Но Герасимов истолковал его жест с точностью до наоборот и одну за другой отстегнул стропы, поддерживающие мину на плаву. Освобожденная мина соскользнула с грузовой платформы и косо ушла под воду. Мощный рывок минрепа оторвал от «Сирены» возившегося с карабином Короткова. Курсант вскрикнул от боли, пронзившей плечо, но его крик сразу же оборвался, когда погружающаяся мина увлекла его за собой. Никто ничего не понял. И только Игорь, обернувшись на внезапный крик, увидел, что на том месте, где только что находилась голова Короткова, из-под воды поднимаются пузыри.

– Герасимов! За мной! – крикнул он уже в прыжке, бросившись в воду с борта водолазного бота.

Ласты пришлось оставить на палубе – надевать их не было времени. Даже маску Игорь натянул уже под водой. Зато сразу увидел погружающееся в пучину тело Короткова. Курсант не шевелился, видимо, потерял сознание. Игорь поспешно вставил в рот загубник дыхательного аппарата и, энергично работая руками, нырнул за ним. Несмотря на предельное напряжение сил, расстояние, отделяющее его от тонущего

курсанта, сокращалось очень медленно. Игорь бросил взгляд на пристегнутый к запястью глубиномер. Стрелка прибора уже прошла пятнадцатиметровую отметку и теперь приближалась к двадцати. Это было просто невероятно – Коротков словно проваливался в пропасть. После отчаянных усилий на двадцатипятиметровой глубине Игорь наконец схватил его за руку и только тогда заметил, что другое запястье Короткова захлестнул соединяющийся с миной буксировочный трос и она, словно якорь, тянет его за собой. Схватившись за минреп, он принялся освобождать запястье Короткова. К счастью, через несколько секунд рядом оказался Герасимов. В ластах он мог плыть гораздо быстрее. Общими усилиями они сняли скрученную из стальных волокон петлю, опутавшую руку Короткова.

Встретившись с защищенными стеклом маски глазами Герасимова, Игорь указал рукой на плещущуюся над их головами поверхность озера. Но когда Герасимов, обхватив Короткова под мышки и часто загребая ластами, быстро поплыл вверх, снова схватился за минреп. Он не рассчитывал в одиночку удержать пятисоткилограммовую мину. Даже вместе с курсантами это невозможно было сделать. Но оставалась надежда, что ему удастся запомнить место, где мина ляжет на грунт, чтобы затем с помощью лебедки и судового крана поднять ее на поверхность.

Продавливая водную толщу, мина продолжала свое стремительное погружение в пучину. Теперь она падала верти-

кально вниз, таща за собой вцепившегося в минреп водолаза. Игорь следил за погружением по показаниям своего глубиномера: тридцать метров... тридцать пять. Спуск продолжался. Предельная глубина для кислородного аппарата – шестьдесят метров. Для более глубоких погружений нужны другие дыхательные смеси на основе гелия. Оставалось только надеяться, что глубина озера в этом месте не превышает критической отметки. На сорока метрах сгустившаяся тьма поглотила сигарообразный корпус мины. Теперь Игорь видел только конец минрепа, тянущий его в черную бездну. Пришлось зажечь подводный фонарь. Но мощности его луча хватило ненадолго. Какое-то время Игорь еще видел влекущий его на дно цилиндрический «якорь», начиненный почти пятьюстами килограммами взрывчатки. Но на шестидесятиметровой глубине мина вновь растаяла во мраке подводной бездны, и, судя по ее неумолимому движению вниз, до дна было еще далеко. Дальнейшее погружение становилось не только бессмысленным, но и смертельно опасным. Игорь выпустил минреп, и его конец тут же исчез во мраке глубины, выскользнув из светового луча. Несколько секунд Игорь напряженно вглядывался в окружающую темноту, пытаясь разглядеть под собой хотя бы очертания дна, потом развернулся и медленно поплыл к поверхности. Впереди был затяжной подъем с длительными декомпрессионными остановками.

Первую остановку Игорь сделал на пятидесятиметровой глубине. Уровняв скорость подъема встречным гребком рук,

он завис в водной толще и еще раз взглянул вниз. Внезапно темноту под ним разрезала огненная вспышка, словно на дне озера зажглось новое солнце. Вязкий грохот обрушился на Игоря со всех сторон. Голова загудела, а все тело заныло так, словно по нему ударили кузнечным молотом. Игорь зажмурился и впился зубами в загубник, чтобы от боли случайно не выпустить его. Но за секунду, даже за мгновение до того, как сомкнуть веки, он заметил во вспыхнувшем в глубине пламени поднимающуюся со дна поразительно гладкую сверкающую скалу идеальной сферической формы. Когда он вновь открыл глаза, единственный свет шел от его собственного фонаря, а вокруг был все тот же подводный мрак. В первый момент Игорю даже показалось, что он оказался в ином мире, где нет ничего, кроме бескрайней водной толщи. Но затем, сориентировавшись по показаниям глубиномера, уверенно поплыл вверх. На двадцати пяти метрах, где Игорь сделал следующую декомпрессионную остановку, он разглядел над головой размыто-серебристую поверхность озера и окончательно успокоился.

Над водой было ветрено, по поверхности ходили свинцовые волны, а из нависших над озером туч лил частый и мелкий дождь – верный признак приближающейся осени. Но по сравнению с давящим мраком глубины здесь был настоящий рай. Пробив головой ходившую ходуном поверхность озера, Игорь с облегчением выплюнул загубник, стянул с лица водолазную маску и поспешно огляделся. Рядом никого не бы-

ло, только водолазный бот покачивался на волнах примерно в тридцати метрах от него. Сразу вернулась тревога за Короткова. Заметив на палубе двух матросов судовой команды, Игорь быстро поплыл в их сторону. Матросы тоже заметили плывущего по волнам водолаза. С борта полетели в воду страховочный конец и, что особенно задело самолюбие Игоря, спасательный круг. Проигнорировав брошенный ему круг, Игорь схватился за страховочный трос и с его помощью быстро взобрался на палубу.

Ему навстречу бросился Герасимов:

– Как вы, товарищ старший лейтенант?!

– Что с Коротковым? – нетерпеливо спросил Игорь.

– Откачали. Воды, дурак, нахлебался. Но сейчас уже ничего, оклемался. Лежит в кубрике, отдыхает. – Герасимов довольнo улыбнулся и снова повторил свой вопрос: – А вы-то как, товарищ командир?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.